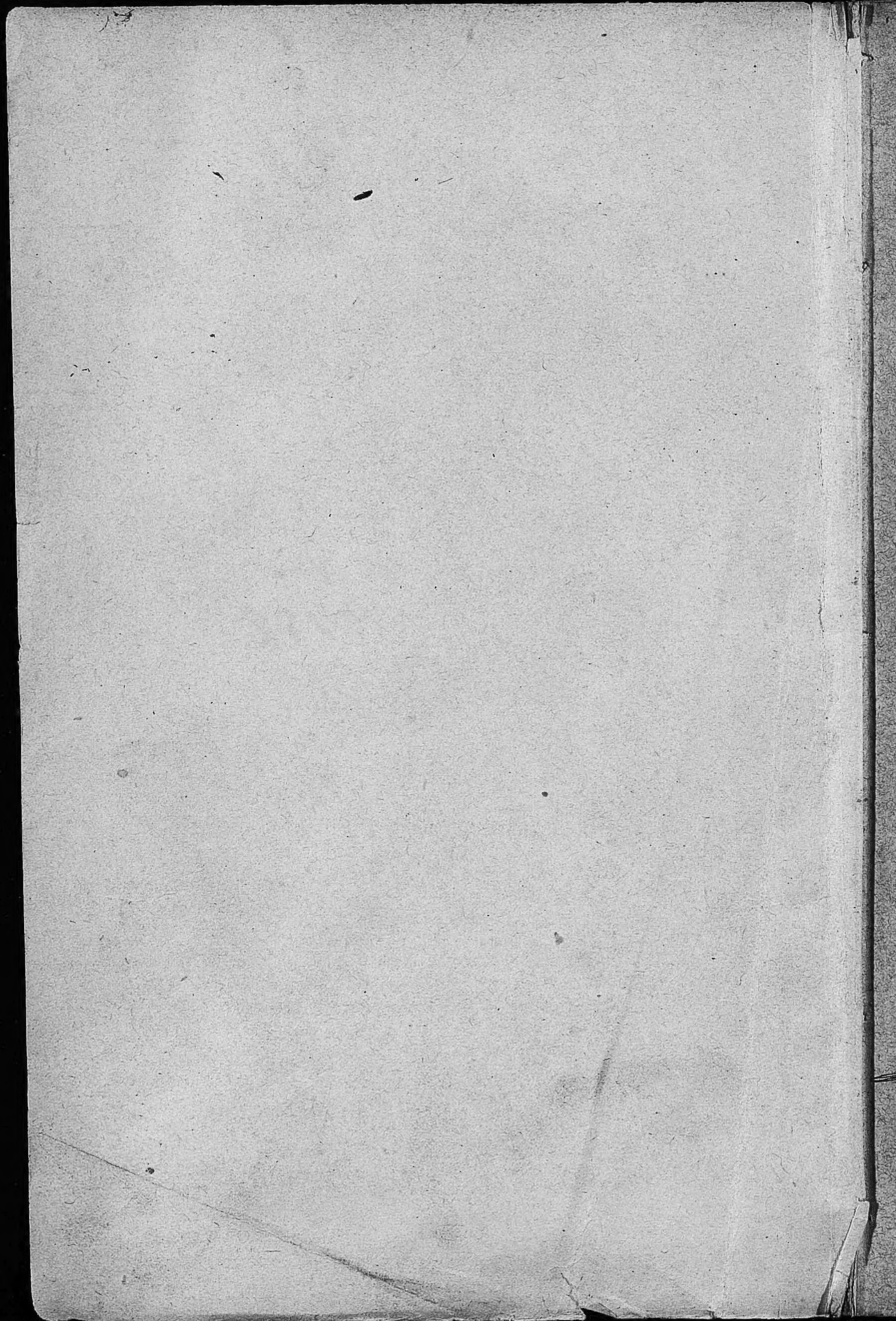

Юридическая Лѣтопись

Ежемѣсячный журналъ

издаваемый при постоянномъ сотрудничествѣ

Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева, Н. М. Коркунова

подъ редакціей

Н. Д. Сергѣевскаго

Годъ первый.	1890.	Январь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

1. **Юридическая Лѣтопись** . . . . 3— 5
2. **Гольмстенъ А. Х.** «Правда и Милость» въ гражданскомъ судѣ . . . . 6—21
3. **Фуксъ Владиміръ**, Судебная Реформа прибалтійскихъ губерній . . . . 22—43
4. **Коркуновъ Н. М.** А. Д. Градовскій . . . . . 44—50
5. **Хроника** русскаго законодательства за 1889 годъ . 51—90
   - I Законодательство процессуальное . . . . 52—64
   - II Гражданское право . . . . 65—72
   - III Государственное право . . . . 72—81
   - IV Законодательство экономическое . . . . 81—90
6. **Объявленія:** Книги, книжные магазины, журналы.

Юридическая лѣтопись

Ежемѣсячный журналъ

издаваемый при постоянномъ сотрудничествѣ

Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева, Н. М. Коркунова

подъ редакціей

Н. Д. Сергѣевскаго

Годъ первый. | 1890. | Томъ первый.

1666

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

„Юридическая Лѣтопись“ имѣетъ небольшую, но вполнѣ опредѣленную программу: доставить читающей публикѣ возможность и удобство постояннаго ознакомленія съ важнѣйшими вопросами и явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и научной разработки права въ нашемъ отечествѣ. Цѣль эта будетъ достигаться, во-первыхъ, соотвѣтствующимъ подборомъ научныхъ статей въ журналѣ; во-вторыхъ, постоянными систематическими обзорами, въ формѣ ежемѣсячныхъ, послѣдовательно смѣняющихся хроникъ — законодательной, научно-литературной и судебной; въ-третьихъ, ежемѣсячными указателями вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

Воздавая должное научнымъ заслугамъ двухъ старѣйшихъ органовъ отечественной юриспруденціи — „Юридическаго Вѣстника“ и „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права“ — мы надѣемся, что наряду съ ними и „Юридическая Лѣтопись“ явится не безполезною силою для русскаго общества и русской науки. Несомнѣнно, что не только юристъ-спеціалистъ, но и всякій образованный гражданинъ, всякій общественный дѣятель имѣетъ насущную потребность получать постоянныя свѣдѣнія о движеніяхъ правовой жизни въ своемъ отечествѣ — свѣдѣнія своевременныя, предлагаемыя въ формѣ доступной и удобной, съ серьезнымъ научнымъ освѣщеніемъ, свобод-

нымъ отъ всякихъ партійныхъ или иныхъ личныхъ программъ. Удовлетвореніе этой потребности ставитъ своей задачей „Юридическая Лѣтопись“. Въ хроникѣ читатель найдетъ постоянный обзоръ выдающихся явленій нашего юридическаго быта; въ статьяхъ—научную разработку вопросовъ текущей жизни или вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ общественнымъ задачамъ нашего времени; въ библіографическомъ отдѣлѣ — систематическій ежемѣсячный указатель новѣйшей литературы; въ цѣломъ— „Лѣтопись“ юридической жизни и юридической науки.

Выполняя задачу „Лѣтописи“, редакція даетъ въ настоящей первой книжкѣ журнала обзоръ отечественнаго законодательства за истекшій 1889 годъ. Въ числѣ законодательныхъ актовъ этого періода несомнѣнно наиболѣе цѣннымъ является „Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“ — ему посвящается отдѣльная статья, принадлежащая перу одного изъ тѣхъ дѣятелей, на долю которыхъ выпала честь введенія судебной реформы въ Прибалтійской окраинѣ. Затѣмъ, истекшій годъ есть годъ двадцатипятилѣтія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября. Отмѣчая на своихъ страницахъ это событіе, какъ юбилей побѣды правды надъ кривдою въ судахъ, „Юридическая Лѣтопись“ посвящаетъ свою первую статью Судебнымъ Уставамъ, и именно изслѣдованію того момента въ этомъ великомъ законодательномъ памятникѣ, который на языкѣ юристовъ называется общимъ смысломъ или духомъ закона—изслѣдованію началъ „правды и милости“ въ гражданскомъ процессѣ. Наконецъ, истекшій годъ есть годъ крупной утраты, которую понесъ научно-юридическій міръ нашего отечества: скончался профессоръ А. Д. Градовскій. На „Юридической Лѣтописи“ лежитъ обязанность представить, хотя краткую, оцѣнку того значенія, которое имѣлъ покойный для науки русскаго государственнаго права, и для его многочисленныхъ учениковъ.

Конечно, будущность изданія зависитъ отъ того сочувствія, съ какимъ встрѣтитъ его общество. Редакція, съ

своей стороны, не пожалѣетъ ни трудовъ, ни усилій для того, чтобы поставить дѣло на подобающую высоту. Кромѣ четырехъ ближайшихъ сотрудниковъ-соредакторовъ, редакція, въ видахъ неуклоннаго выполненія программы, обезпечила себѣ постоянное сотрудничество нѣсколькихъ спеціалистовъ, ученыхъ и практиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабочиваясь возможнымъ расширеніемъ надлежащаго матеріала, редакція обращается къ русскимъ юристамъ, теоретикамъ и практикамъ, съ покорнѣйшею просьбою:

1. Доставлять научныя *статьи* по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія, имѣющимъ отношеніе къ современной общественной жизни.

2. Доставлять *замѣтки*, которыя, буде не могутъ образовать собою самостоятельной статьи, могли бы войти въ составъ хроники, касающіяся: а) недостатковъ дѣйствующаго законодательства и пробѣловъ его; б) практическаго примѣненія законовъ, въ особенности вновь издаваемыхъ; в) различнаго рода трудностей, встрѣчаемыхъ въ судебной и административной практикѣ; г) отдѣльныхъ судебныхъ случаевъ, представляющихъ интересъ по своему соціальному или этическому значенію и по свойству или комбинаціи уголовно-судебныхъ доказательствъ; д) явленій научной жизни, какъ-то: ученыхъ диспутовъ, занятій ученыхъ обществъ и съѣздовъ, торжественныхъ собраній ученыхъ корпорацій, и проч.

3. Сообщать *вопросы*, возбуждаемые жизнью, но неразрѣшающіеся на точномъ основаніи дѣйствующихъ законовъ или вызывающіе сомнѣніе въ этомъ отношеніи.

Редакція разсчитываетъ на сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ, интересующихся судьбами русской общественной жизни, и смѣло начинаетъ свою Лѣтопись подъ девизомъ „Viribus unitis“, не только съ надеждою на успѣхъ, но и съ увѣренностью въ успѣхѣ.

„ПРАВДА И МИЛОСТЬ“

ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ СУДѢ.

А. Х. Гольмстена.

Судебная реформа 1864 года навсегда останется одною изъ свѣтлѣйшихъ и отраднѣйшихъ страницъ въ исторіи нашего правосознанія. Оцѣнить ея громадное значеніе можетъ только тотъ, кто знаетъ, что̀ было до введенія Судебныхъ Уставовъ. Начала, безъ которыхъ, по современнымъ представленіямъ, отправленіе правосудія невозможно, какъ-то независимость судей, гласность, устность, состязательность, равенство сторонъ, свобода судейской оцѣнки и т. д. — все это въ дореформенномъ процессѣ отсутствовало, но все это положено въ основу Судебныхъ Уставовъ и внесено въ жизнь вмѣстѣ съ введеніемъ судебной реформы. Со стороны юстиціи мы сразу стали на подобающую намъ высоту, мы стали въ уровень съ другими культурными народами. Скажу болѣе: мы опередили ихъ; все хорошее въ великомъ дѣлѣ судебной организаціи мы восприняли, устранивъ все, что̀ осуждено наукою и практикою; о частныхъ недостаткахъ я не говорю—они были неизбѣжны въ столь трудномъ дѣлѣ, и легко могли бы быть устранены впослѣдствіи. Въ общемъ та̀ потребность народной жизни, которая вызвала преобразованіе суда, была удовлетворена такъ, какъ это только возможно въ періоды могучаго подъема общественнаго сознанія...

Вполнѣ сознанная, ясно понятая цѣль преобразованія суда отчетливо выражена самимъ законодателемъ въ указѣ 20 ноября 1864 года. „Да правда и милость царствуютъ въ судахъ!“ читаемъ мы въ этомъ указѣ. Такова та цѣль, которую себѣ ставитъ законодатель, цѣль, которая должна быть достигнута „посредствомъ лучшаго устройства судебной части“. Долженъ былъ быть и былъ созданъ судъ правый и милостивый, судъ, девизомъ котораго должны были быть и были слова „правда и милость“. Эти многознаменательныя слова даютъ обильную пищу пытливому уму, желающему раскрыть ихъ внутренній, глубокій смыслъ. Что такое „правда и милость“, чтó такое судъ „правый“ и „милостивый“?—Обращаясь къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, замѣчу, что я буду имѣть въ виду, прежде всего, судъ и процессъ гражданскій.

Правымъ судомъ мы называемъ судъ не только дѣйствующій закономѣрно, но и поставленный закономъ въ условія благопріятныя для осуществленія правды. Судъ независимый, судъ состоящій изъ лицъ обще- и спеціально образованныхъ, лицъ неподкупной честности и добросовѣстности — такой судъ можетъ быть судомъ правымъ, но только *можетъ быть* правымъ. Для того, чтобы онъ дѣйствительно былъ правымъ, необходимо, чтобы ему были даны средства осуществить правду, истину. Допустимъ, ему даны всѣ возможныя средства къ тому; достигнетъ ли онъ и тогда полной истины, будетъ ли судья и тогда въ состояніи, по каждому дѣлу имъ разрѣшенному, положа руку на сердце, сказать, что рѣшеніе его вполнѣ истинно. Сомнѣваюсь. Какъ вообще, такъ и тутъ, напрасно искать полнаго воплощенія идеала; можно говорить лишь о приближеніи къ этому идеалу. Судъ, стремящійся, при остальныхъ благопріятныхъ условіяхъ, искренно, сознательно, упорно къ достиженію правды, будетъ правымъ судомъ—его не должна останавливать невозможность достиженія безусловной истины въ томъ или другомъ случаѣ, не должна смущать относительность ея. Истина, какъ совпаденіе нашихъ представленій съ

дѣйствительностью, истина, выразившаяся въ судебномъ рѣшеніи, только и можетъ быть относительной, уже потому что она истина производная [1]), то-есть такая, при которой представленіе, имѣющее совпасть съ дѣйствительностью, добыто путемъ не непосредственнаго воспріятія этой дѣйствительности, а при посредствѣ заявленій другихъ лицъ. Судъ рѣдко можетъ непосредственно воспринять дѣйствительность; въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ составляетъ себѣ представленіе о ней на основаніи заявленій тяжущихся, подтвержденныхъ письменными актами, показаніями свидѣтелей, экспертовъ, окольныхъ людей. На основаніи этихъ данныхъ онъ приходитъ къ убѣжденію о правильности или неправильности даннаго притязанія. Но кто можетъ поручиться за то, что эти данныя абсолютно достовѣрны? Можетъ быть, актъ искусно поддѣланъ, свидѣтели не менѣе искусно лгутъ, эксперты жестоко ошибаются? Нѣтъ въ томъ поруки. Мало того, суду иногда приходится имѣть дѣло съ такими фатальными явленіями, которыя, въ какомъ-бы смыслѣ ни были нормированы закономъ, оставляютъ мѣсто разладу между представленіями судьи, выразившимися въ рѣшеніи, и дѣйствительностью. Можно указать на рядъ фактовъ, когда законъ, желая уменьшить число случаевъ такого разлада, самъ ихъ создаетъ. Позволю себѣ привести примѣры. Положимъ, законъ не придаетъ безусловной силы формальному письменному акту займа и допускаетъ доказательство безденежности его. Что можно ожидать отъ такого закона? Массы случаевъ лжесвидѣтельства, случаевъ доказательства посредствомъ подкупныхъ свидѣтелей безденежности крупныхъ займовъ. Если эти свидѣтели дружно споются, то убѣдятъ судью въ подтверждаемомъ ими фактѣ, и онъ признаетъ безденежность займа, то-есть постановитъ рѣшеніе далекое отъ истины. Какъ же поступить законодателю желающему отвратить подобные случаи? Онъ можетъ выставить противоположное

---

[1]) Canstein, Die rationellen Grundl. des C.-Pr. I, стр. 28.

правило и объявить, что безденежность заемнаго письма не можетъ быть доказываема; слѣдовательно, если разъ заемный актъ совершенъ, то доказывать, что валюта не получена, нельзя. Представимъ себѣ, что данное заемное письмо представлено въ судъ для взысканія; отвѣтчикъ-должникъ заявляетъ, что оно безденежно; судья—допускаемъ на время—выслушиваетъ массу свидѣтелей и вполнѣ убѣждается въ безденежности; для него нѣтъ въ томъ сомнѣнія. Но онъ не въ правѣ отказать кредитору: онъ, будучи убѣжденъ въ несуществованіи займа, завѣдомо присуждаетъ истцу якобы занятую у него сумму. Полный разладъ представленій судьи, выразившихся въ рѣшеніи, съ дѣйствительностью! Или: положимъ, законъ безо всякихъ ограниченій допускаетъ словесные договоры, существованіе коихъ можетъ быть доказано свидѣтелями; займы, безъ ограниченія суммы, могутъ быть доказываемы такимъ путемъ. Опять возможна масса случаевъ разыгрыванія возмутительной комедіи съ подкупными свидѣтелями; судья убѣждается въ существованіи крупнаго займа и присуждаетъ требуемую сумму, которая потомъ и распредѣляется между мнимымъ кредиторомъ и его достовѣрными свидѣтелями. Опять полный разладъ рѣшенія съ дѣйствительностью. Законъ, ради отвращенія подобныхъ случаевъ, постановляетъ противоположное правило, а именно, что словесные займы недѣйствительны, что свидѣтельскими показаніями доказывать заемъ нельзя. Представимъ себѣ, что совершенъ заемъ на словахъ въ присутствіи толпы свидѣтелей, которые клятвенно готовы подтвердить, что заемъ былъ сдѣланъ. Опять допустимъ на время, что судья ихъ допрашиваетъ и вполнѣ убѣждается въ достовѣрности ихъ показаній. Присудить однако требуемую сумму истцу-кредитору судья не можетъ; онъ отказываетъ ему въ искѣ, не признаетъ права, въ существованіи коего вполнѣ убѣжденъ [1]). Опять полный разладъ, опять ни тѣни истины. Законодатель, повидимому, находится въ заколдованномъ кругѣ:

---

[1]) Случаи изъ нашей практики см. у Березина — Мировой судъ въ провинціи, стр. 23—24.

нормируетъ данное отношеніе такъ—создаетъ препятствіе къ достиженію истины на судѣ; нормируетъ въ противоположномъ смыслѣ—послѣдствія тѣ же. Которую же изъ двухъ нормъ выбрать? Приходится, какъ говоритъ Іерингъ [1]) по другому впрочемъ поводу, становиться, отчасти, на почву статистики, отчасти взвѣшивать степень вреда или пользы той и другой нормы, то-есть выбрать тотъ способъ нормированія, который создаетъ наименьше число случаевъ разлада между рѣшеніемъ судьи и дѣйствительностью и отъ которого можно ожидать менѣе вреда для общества. Случаевъ соблазнительнаго подкупа свидѣтелей всегда будетъ больше—и они вреднѣе для общества,—чѣмъ случаевъ безденежности заемныхъ писемъ и словесныхъ займовъ. Нашъ законъ склоняется въ пользу именно такого нормированія упомянутыхъ случаевъ: безденежность крѣпостнаго заемнаго письма не можетъ быть доказываема (ст. 2015 1 ч. X т.); фактъ займа не можетъ быть доказанъ свидѣтельскими показаніями (ст. 2031, ч. X т. 409 у. г. с.). Законъ, слѣдовательно, закрываетъ суду путь къ истинѣ именно съ этой стороны.

Но какъ бы то ни было, судья всетаки въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ бываетъ иногда вынужденъ постановить рѣшеніе, не согласное съ истиною. Отрицать этого нельзя; но съ другой стороны, возводить эти случаи въ общее правило и на нихъ основывать дѣленіе самой истины на матеріальную и формальную; утверждать, что лишь послѣдняя составляетъ будто бы удѣлъ гражданскаго суда [2]), что судъ гражданскій добивается только того, чтобы его рѣшеніе было истиннымъ съ формальной, внѣшней стороны, что о внутренней правдѣ ему нечего заботиться—это глубокое заблужденіе. Противъ него весьма разумно возражаютъ, что истина едина [3]), что дѣленіе истины на полную и неполную логически невѣрно, ибо неполная истина не есть истина. Если стремленіе къ этой неполной, формальной истинѣ есть задача суда, то значитъ гражданскій судъ не есть судъ правды.

---

[1]) Ihering, Der Besitzwille, стр. 161. [2]) См. старыхъ криминалистовъ, напр. Zachariae, Handb. des Str.-R. B. 1, стр. 39. [3]) Canstein, l. c., стр. 27.

Разсмотрѣнные случаи, давшіе поводъ къ такому воззрѣнію, были, есть и всегда будутъ исключеніями и оправдываются единственно невозможностью ихъ избѣжать; они указываютъ лишь на неизбѣжную относительность истины, объявляемой судомъ, на невозможность достигнуть ея при всемъ желаніи. Неужели изъ за невозможности оказать помощь всѣмъ нуждающимся въ ней, мы должны отказаться отъ мысли помогать ближнимъ? Случаи, мною разсмотрѣнные, утопаютъ, исчезаютъ въ массѣ случаевъ противоположнаго характера, гдѣ судья, не становясь инквизиторомъ, сознательно стремится къ истинѣ, правдѣ и, по мѣрѣ силъ и умѣнья, достигаетъ ея. Судьѣ, созданному уставами 20 Ноября, открываются свободные пути къ достиженію этой цѣли. Его свободному убѣжденію и доброй совѣсти открывается широкій просторъ — особенно въ оцѣнкѣ достовѣрности данныхъ, приводимыхъ въ подтвержденіе правильности заявленій тяжущихся: судья опредѣляетъ силу доказательствъ по „убѣжденію совѣсти" (ст. 129), по „усмотрѣнію" (ст. 437), по „достовѣрности, ясности, полнотѣ и вѣроятности" (ст. 102, 411). Какая рѣзкая противоположность тому дореформенному судьѣ, который, напримѣръ, въ случаѣ противорѣчія свидѣтельскихъ показаній, долженъ былъ „давать преимущество мужчинѣ передъ женщиной, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ неученымъ, духовному передъ свѣтскимъ" (ст. 405 т. X, ч. 2, изд. 1857 г.). Судья современный ничѣмъ подобнымъ не связанъ: за исключеніемъ отдѣльныхъ законныхъ предположеній, исключающихъ доказательство противнаго, ему дается возможность, не вторгаясь въ сферу частныхъ правъ, стремиться къ истинѣ, не формальной только, и достигать ея.

Перехожу ко второй цѣли судебнаго преобразованія— водворенію „милости" въ судахъ. Судомъ милостивымъ мы называемъ судъ, поставленный закономъ въ благопріятныя условія для того, чтобы, снисходя къ положенію отдѣльныхъ лицъ, устранить или облегчить тяжесть невыгодныхъ послѣдствій этого положенія. Чрезвычайно тяжелымъ и не-

выгоднымъ, при дурной судебной организаціи, можетъ быть положеніе лицъ, поставленныхъ въ необходимость имѣть дѣло съ судомъ—не говоря уже о роковыхъ послѣдствіяхъ судебнаго приговора или рѣшенія—а потому и милость суда должна проявляться не только въ милостивомъ приговорѣ или рѣшеніи, но и гораздо ранѣе. Это весьма рельефно сказывается въ уголовной юстиціи; уголовный судъ, созданный уставами 20 Ноября, не только въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей можетъ давать снисхожденіе подсудимому, но и не въ правѣ заставлять подсудимыхъ многіе годы томиться въ острогѣ въ ожиданіи суда. Въ сферѣ юстиціи гражданской милость эта проявляется не столь рельефно, но область ея нѣсколько шире: въ уголовномъ процессѣ милостью пользуется лишь подсудимый, въ гражданскомъ — не только лицо привлеченное отвѣтчикъ, но иногда и истецъ; оба эти лица могутъ быть поставлены въ тяжелое положеніе не только рѣшеніемъ суда, но и ранѣе постановленія этого рѣшенія; имѣя дѣло съ судомъ, оба они могутъ заслуживать снисходительнаго къ себѣ отношенія. Стоитъ только вспомнить, какимъ безконечнымъ мытарствамъ подвергались тяжущіеся, при дореформенныхъ порядкахъ, не говоря уже о суровости рѣшеній, согласныхъ съ формальной истиной, чуждыхъ всякаго снисхожденія. Духъ Судебныхъ Уставовъ совершенно противоположнаго свойства. Милостивое, снисходительное отношеніе суда къ частнымъ лицамъ сказывается съ первыхъ же шаговъ обращенія тяжущихся къ суду и доходитъ до конца судебной процедуры. Къ бумагамъ, подаваемымъ въ судъ, не предъявляется строгихъ формальныхъ требованій: то или другое упущеніе, если оно не таково, что по причинѣ его рѣшеніе дѣла невозможно, не влечетъ за собою, какъ это было прежде, оставленія просьбы безъ разсмотрѣнія; судъ даже извѣщаетъ лицо, подавшее бумагу, о необходимости исправить упущенія (ст. 270). Судъ, неудовлетворенный неумѣлыми объясненіями тяжущихся, можетъ войти въ предварительное обсужденіе вопроса, требуетъ ли дѣло для наилучшаго выясненія письменной под-

готовки, и предписываетъ обмѣнъ состязательныхъ бумагъ, если оно, по его мнѣнію, того требуетъ (ст. 354); онъ не вправѣ безучастно, холодно относиться къ словамъ тяжущихся; судья, не придираясь къ выраженіямъ, во время состязанія входитъ въ оживленный, чуждый формализма, обмѣнъ мыслей съ тяжущимися, выражающимися неясно или неопредѣленно (ст. 335). Судья, видя, что тяжущійся представилъ мало доказательствъ, указываетъ ему на необходимость дополненія ихъ (ст. 368) и т. д. Можно бы привести сотни статей, изъ которыхъ видно, къ какому участливому, снисходительному отношенію къ тяжущимся законъ обязываетъ судью: упущенія, недомолвки, неточности и т. п., извинительныя для малосвѣдущаго, неопытнаго человѣка, не влекутъ за собой никакихъ для него невыгодъ—ему открывается возможность все это пополнить, исправить; онъ не испытываетъ на себѣ тяжести обращенія къ суду.

Этотъ духъ снисхожденія, милости проявляется еще рѣзче въ рѣшеніяхъ суда. Рельефнѣйшіе случаи, когда нашъ уставъ даетъ судьѣ возможность быть милостивымъ, могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: случаи, касающіеся мировой юстиціи, и случаи общаго характера.

Что касается случаевъ первой группы, то милость, проявляемая мировымъ судьею, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ основною идеею этого института. Нашъ мировой судья не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, растеніе, пересаженное къ намъ съ англійской почвы—институтъ этотъ мы заимствовали у Франціи. Если вспомнить, что говорилось въ національномъ собраніи, въ 1790 году, при обсужденіи проекта организаціи этого института, то придется признать, что имѣлось въ виду создать именно судъ милостивый; мировой судья, говорили восторженные ораторы, это отецъ въ кругу своихъ дѣтей; это лицо, пользующееся безграничнымъ довѣріемъ и уваженіемъ и высокимъ авторитетомъ въ обществѣ; это судья свободный отъ формальныхъ путъ, мѣшающихъ ему разобраться, гдѣ право, гдѣ неправо; стоитъ ему сказать слово и неспра-

ведливость изгоняется, распри умолкаютъ [1]). Находящійся въ такомъ положеніи судья, конечно, можетъ разсыпать милость щедрою рукою. Нашъ мировой судья по идеѣ тоже долженъ быть такимъ авторитетнымъ и уважаемымъ миротворцемъ, относящимся отечески къ лицамъ, къ нему обращающимся; законъ открываетъ ему широкую дорогу къ милости.

Такъ, 1) мировому судьѣ предоставлено быть *третейскимъ судьею* по общимъ правиламъ, установленнымъ для третейскаго суда (В. у. мн. Г. С. 21 декабря 1887 г. п. 4); третейскій судья не связанъ ни процессуальнымъ, ни матеріальнымъ закономъ; онъ судитъ сообразно съ тѣми взглядами, какіе въ немъ сложились; суровый законъ замѣняется имъ правиломъ, проникнутымъ милостью. Положимъ, на разсмотрѣніе мирового судьи, какъ судьи третейскаго, предложенъ споръ по поводу договора, обезпеченнаго громадною неустойкою. Судья, въ общемъ порядкѣ, признавъ фактъ неисполненія, присудилъ бы неустойку полностью, а мировой судья, въ качествѣ судьи третейскаго, взвѣсивъ тѣ исключительно тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находился должникъ, напримѣръ, болѣзнь, пожаръ, лишеніе мѣста, которыя помѣшали ему исполнить обязательство, и придя къ выводу, что должникъ, при всемъ желаніи исполнить обязательство, не могъ этого сдѣлать, что нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ вины,—можетъ и не налагать гражданскаго наказанія, то есть не признать права кредитора на неустойку. Это ли не милость, проявить которую законъ, однако, суду въ общемъ порядкѣ не дозволяетъ!

2) Мировой судья вправѣ, при ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ и при отсутствіи на данный случай прямого закона, разрѣшить дѣло на основаніи нормы *обычнаго права* (ст. 130 уст. г. с.); окружные суды въ случаѣ недостатка закона рѣшаютъ дѣло согласно общему смыслу закона, мировой же судья можетъ обратиться и къ

---

[1]) Moniteur отъ 13 Frim. IX г. см. у Frey, Frankreichs Civil- und Criminalordnung, стр. 42.

обычному праву. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда общій смыслъ закона заставляетъ разрѣшать данный споръ крайне сурово, а норма обычнаго права проникнута милостью, мировой судья, примѣняя ее, олицетворяетъ собою судью милостиваго. Возьмемъ примѣръ. Общаго закона о задаткѣ въ договорахъ у насъ не имѣется. По общему смыслу закона лицо, получившее задатокъ, въ случаѣ неисполненія имъ своей обязанности, обязано уплатить двойной задатокъ; по обычному же праву многихъ мѣстностей лицо, получившее задатокъ и не исполнившее своей обязанности, только возвращаетъ задатокъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ послѣднее воззрѣніе, на обязанность уплатить двойной задатокъ смотрятъ, какъ на вопіющую несправедливость [1]). Понятно, что мировой судья, который, основываясь на обычаѣ, присудитъ лицо только къ возврату задатка, будетъ судьею милостивымъ, сравнительно съ тѣмъ судьею, который, по закону, присудитъ уплату двойного задатка.

3) Мировой судья обязанъ склонять тяжущихся къ *примиренію*, указывая даже дѣйствительные къ тому способы (ст. 70). Правительствующій Сенатъ обращалъ вниманіе нашихъ мировыхъ судей именно на эту ихъ обязанность; они не должны относиться къ ней формально, безучастно, а должны смотрѣть на нее, какъ на главнѣйшую; они должны въ теченіе всего производства принимать мѣры къ примиренію и, только при полной безуспѣшности ихъ, постановить свое рѣшеніе; [2]) по самой идеѣ мирового суда нормальнымъ исходомъ процесса должно быть примиреніе, а не судебное, принудительное рѣшеніе. Какое дѣйствительно сильное средство дается въ руки судьѣ для проявленія милости, какъ сильно онъ можетъ облегчить тяжелое положеніе, напр., отвѣтчика, попавшагося въ когти кредитора-истца, къ какимъ уступкамъ онъ можетъ склонить кредитора! Положимъ, извѣстный въ данный мѣстности ростовщикъ привлекаетъ на судъ своего

---

[1]) См. мою ст. Двадцатилѣтняя практика Кемецкаго вол. суда въ Журн. гр. и уг. пр. 1882 г., кн. 4, стр. 76—77. [2]) Рѣш. Г. К. Д. С. 1879 г. № 334.

должника; мировой судья можетъ, основываясь на заявленіи отвѣтчика, что тотъ не получилъ и половины суммы прописанной въ документѣ, склонить истца къ уступкѣ, скидкѣ, къ уменьшенію процентовъ; можетъ предложить отъ имени отвѣтчика полученіе въ счетъ долга вещи, совершеніе въ счетъ долга извѣстнаго дѣйствія и т. п.; въ результатѣ — мировая сдѣлка, отвратившая имущественную катастрофу въ видѣ продажи пожитковъ, отвратившая раззореніе. Это ли не милость!

Наконецъ, 4) мировой судья имѣетъ право *разсрочить* должнику присужденную съ него уплату на опредѣленные сроки (ст. 136 у. г. с.). Это благодѣтельное право онъ можетъ осуществить по отношенію къ должнику, не имѣющему средствъ для удовлетворенія кредитора — это милость, оказываемая судьею по прямому велѣнію закона. Что это дѣйствительно милость въ глазахъ закона—быть можетъ, даже въ ущербъ интересамъ кредитора—видно изъ того, что законъ сурово относится къ отвѣтчику, злоупотребившему оказаннымъ ему снисхожденіемъ: должникъ, допустившій неисправность, „подвергается немедленному взысканію всей присужденной суммы“.

Вотъ первая группа случаевъ, когда судьѣ дается возможность быть милостивымъ. Перехожу ко второй группѣ, то есть къ случаямъ, касающимся какъ мировой, такъ и общей юстиціи. Важнѣйшіе изъ этихъ случаевъ сводятся къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ:

1) *Квалификація дѣйствій лица.* Гражданскому суду сплошь и рядомъ приходится опредѣлять характеръ и внутреннія свойства даннаго дѣйствія. Отъ того или другого, сдѣланнаго судомъ, опредѣленія зависитъ наступленіе выгодныхъ или невыгодныхъ послѣдствій для частныхъ лицъ; потому-то судъ долженъ войти въ детальное разсмотрѣніе даннаго дѣйствія, не упуская изъ виду индивидуальныхъ свойствъ и качествъ лица дѣйствовавшаго, обстановки дѣйствія и т. п. Въ этихъ случаяхъ судья, придавая значеніе индивидуальнымъ чертамъ даннаго случая, съ един-

ственною цѣлью его квалифицировать, невольно являетъ милость такому лицу, которое дѣйствовало подъ вліяніемъ невыгодно сложившихся для него условій. Только судья пореформенный располагаетъ данными для того, чтобы оцѣнить значеніе даннаго факта и, придавъ ему надлежащую оцѣнку, явить милость лицу дѣйствовавшему. Предложимъ нѣсколько примѣровъ. Различіе между неосторожностью, небрежностью, culpa, и случаемъ, casus, настолько же тонко, насколько существенно для интересовъ лица дѣйствовавшаго: если причиненъ убытокъ по неосторожности, небрежности — лицо отвѣчаетъ и обязано вознаградить; если случайно — свободно отъ отвѣтственности. По нашему праву лицо, взявшее чужую вещь на сохраненіе, въ случаѣ гибели вещи вслѣдствіе пожара, освобождается отъ отвѣтственности лишь тогда, когда ради спасенія этой вещи должно было пожертвовать своею (ст. 2105); слѣдовательно, если ему предстоитъ выборъ: спасти свою вещь или чужую, то оно спокойно можетъ спасать свою вещь. Но изъ этого едвали можно сдѣлать выводъ, что въ томъ случаѣ, когда лицо могло спасти и свою вещь, и чужую, но не сдѣлало этого относительно чужой вещи, оно всегда отвѣчаетъ за гибель этой вещи; это было бы жестоко: пришлось бы привлечь одинаково къ отвѣтственности изъ двухъ лицъ, спасшихъ свою вещь, но оставившихъ на жертву огню чужую вещь, и то, которое сдѣлало это совершенно спокойно, и то, которое, подъ вліяніемъ ужасовъ пожара, находилось въ потрясенномъ психическомъ состояніи. Судья, который приметъ во вниманіе психическое состояніе этого лица, поступитъ по закону и явитъ вмѣстѣ съ тѣмъ милость къ пострадавшему, освободивъ его отъ отвѣтственности. Другой примѣръ. Лица, вступающія въ договоръ, должны быть предусмотрительны, осторожны; отсутствіе этой предусмотрительности навлекаетъ на лицо невыгодныя послѣдствія — оно должно пенять на самого себя. Но этой предусмотрительности есть извѣстный предѣлъ; нельзя требовать ея въ чрезмѣрной степени. Судья

не долженъ видѣть идеалъ человѣка въ педантѣ и всякаго непеданта считать опрометчивымъ, заставляя его всегда страдать за эту опрометчивость [1]). Степень предусмотрительности зависитъ отъ чисто-личныхъ, индивидуальныхъ условій. Лицо, несвѣдущее въ техникѣ, нанимаетъ квартиру; черезъ нѣкоторое время квартира оказывается сырою—квартирантъ и неповинные члены его семьи заболѣваютъ, быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ умираютъ отъ дурного воздуха. Онъ обращается къ суду съ просьбой уничтожить контрактъ, въ виду негодности нанятой вещи для пользованія. Судья долженъ уничтожить договоръ, не принимая въ соображеніе заявленія отвѣтчика, о томъ что истецъ долженъ былъ при самомъ заключеніи договора, примѣнить всѣ средства испытанія сырости стѣнъ, а не сдѣлавъ этого, не можетъ извлекать выгоды изъ собственнаго небреженія. Тутъ нѣтъ небреженія: требовать отъ лица знакомства со всѣми областями техники и умѣнья прилагать новѣйшіе пріемы ея вездѣ, гдѣ встрѣтится надобность, карать лицо за отсутствіе спеціальныхъ знаній и неумѣніе ими пользоваться—жестоко. Судья, если онъ все это приметъ во вниманіе и освободитъ нанимателя отъ необходимости жить въ сырой квартирѣ, будетъ судьею милостивымъ.

2) Судьѣ дается возможность быть милостивымъ и при *истолкованіи договоровъ*. Тутъ законъ самъ прямо указываетъ на эту возможность. Римскіе юристы самыхъ разнообразныхъ направленій [2]) выставили то общее правило, что сомнѣніе, встрѣтившееся при истолкованіи договоровъ, должно быть разрѣшаемо въ пользу должника, противъ кредитора; мотивомъ этого правила они выставляютъ то соображеніе, что фактически кредиторъ имѣетъ большее значеніе при составленіи договора; часто должникъ находится въ зависимости отъ него; онъ имѣетъ полную воз-

[1]) Unger, Syst. d. öst. Privatr. B. 2. стр. 243—244. [2]) Ulpianus (l. 38, 9, 13. D. de verb. obl. 45, 1). Papinianus (l. 39 D. de pact. 2, 14). Paulus et Labeo (l. 21. D. de contr. empt. 12, 1). Celsus (l, 26, D. de reb. dub. 34, 5).

можность точно и ясно опредѣлить свои права. Это правило перешло, между прочимъ, во французскій кодексъ, а оттуда въ нашъ X т. [1]); нашъ законъ предписываетъ, при недостаточности правилъ толкованія имъ предложенныхъ, „изъяснять договоръ болѣе въ пользу того, кто обязался“, и присовокупляетъ: „по тому уваженію, что отъ противной ему стороны зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ большею точностью“ (ст. 1539 1 ч. X т.). Ограниченій при этомъ нашъ законъ никакихъ не выставляетъ; между тѣмъ какъ въ римскомъ (такъ назыв. causae favorabiles) и французскомъ правѣ (ст. 1162 C. c.) таковыя имѣются; такъ напр., по послѣднему, сомнѣніе въ договорѣ купли-продажи истолковывается всегда въ пользу покупщика (ст. 1602 C. c.). Нашъ законъ всегда даетъ болѣе широкій просторъ примѣненію правилъ объ истолкованіи договора въ пользу должника. Это большая милость проявляемая въ пользу должника — милость, вызванная зависимымъ положеніемъ должника отъ кредитора. Могутъ возразить, что милость эта могла быть проявляема и дореформеннымъ судьею, ибо упомянутое правило дѣйствовало задолго до судебной реформы. На это позволю себѣ замѣтить, что сомнѣніе есть удѣлъ образованнаго ума; для судьи—узкаго практика, не имѣющаго юридическаго образованія, все совершенно ясно: онъ всегда и во всемъ признаетъ себя и компетентнымъ, и авторитетнымъ. Только судья пореформенный можетъ, послѣ примѣненія правилъ X тома о толкованіи договоровъ, еще оставаться въ сомнѣніи и разрѣшить его въ пользу должника.

Наконецъ, 3) перехожу къ случаямъ, когда судьѣ дается возможность быть милостивымъ при *толкованіи закона.* Судебные Уставы внесли одно въ высшей степени плодотворное положеніе, благодаря которому и наука права пріобрѣла жизненное, практическое значеніе; въ силу этого положенія, судья, въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка

[1]) Голевинскій, О происхожденіи и дѣленіи обязательствъ, стр. 130.
[2]) См. Baron, Pandecten, стр. 114.

или противорѣчивъ, основываетъ рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ (ст. 9 у. г. с.). Помощь въ отысканіи этого общаго смысла законовъ судья можетъ получить только отъ науки. Она даетъ ему не только результаты своей работы, но и посвящаетъ его въ тайны своихъ операцій — она даетъ ему правила толкованія, раскрытія смысла законовъ. Въ самомъ законѣ правила эти не содержатся; онъ предоставляетъ судьѣ полную свободу въ пользованіи пріемами толкованія. Судья обращается къ наукѣ. Римскій юристъ Цельзъ первый указалъ ученому міру на одно правило толкованія законовъ, правило затѣмъ принятое всѣми цивилистами. Законъ, говоритъ онъ, долженъ быть толкуемъ милостиво, снисходительно. Проницательный умъ великаго юриста раскрылъ намъ и причину, почему именно такъ должны быть толкуемы законы: „потому, говоритъ онъ, что такимъ путемъ наилучшимъ образомъ осуществится воля законодателя“ [1]) то есть потому, что законодатель проникнутъ снисходительностью, милостью. Эта милость, снисходительность, скажемъ мы, выражаетъ собою самый общій „смыслъ“ закона. Случаи, когда приходится прибѣгать къ этому общему смыслу—вездѣ многочисленные—имѣются и у насъ. Возьмемъ примѣръ „неясности“ закона, то есть такого недостатка, vitium закона, при которомъ получаются два противорѣчащихъ другъ другу результата толкованія его, причемъ то и другое толкованіе одинаково солидны и основательны. Въ нашемъ X томѣ Св. Зак. есть такой неясный законъ—это 683 статья. По одному толкованію, законъ, признавая за лицами, потерпѣвшими вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья, право на полное вознагражденіе отъ владѣльцевъ желѣзно-дорожныхъ или пароходныхъ предпріятій, объявляетъ недѣйствительными договоры, заключенные названными владѣльцами съ потерпѣвшими, въ

---

[1]) Celsus въ l. 18 D. de leg. 1,3. Benignius leges interpretandae sunt, quo voluntas earum conservetur. Поправка Савиньи (Syst. B. 1, стр. 230 пр. i.) вмѣсто quo читать quatenus — не можетъ быть принята, какъ немотивированная.

отмѣну или измѣненіе этого права, лишь *до*, *ранѣе* крушенія поѣзда или парохода [1]); по другому толкованію такіе договоры недѣйствительны, будутъ-ли они заключены *до* или *послѣ* крушенія [2]). Оба эти толкованія не уступаютъ другъ другу въ солидности, основательности. Которое же болѣе соотвѣтствуетъ общему смыслу закона? Законъ, содержащійся въ этой статьѣ, проникнутъ духомъ особенной попечительности, заботливости государства объ интересахъ лицъ пострадавшихъ отъ крушенія, въ виду чего первое толкованіе рѣшительно противно его общему смыслу. Произошло крушеніе; не успѣли изувѣченные опомниться, родные убитыхъ осмотрѣться, уже являются агенты желѣзно-дорожной компаніи и предлагаютъ пострадавшимъ обыкновенно не малую, но значительно меньшую, сумму денегъ, чѣмъ на какую тѣ имѣютъ право, но съ непремѣннымъ условіемъ письменно отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній къ компаніи. Если, согласно первому толкованію, признать эти договоры дѣйствительными, то пострадавшій лишается права на полное вознагражденіе; если же признать, согласно второму толкованію, что договоры эти недѣйствительны, то онъ будетъ вознагражденъ вполнѣ. Второе толкованіе и будутъ несомнѣнно единственно милостивое...

Вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова „правда“ и „милость“ въ гражданскомъ судѣ. Съ первыхъ дней созданія новыхъ судовъ и посейчасъ наши судебные дѣятели въ такомъ смыслѣ ихъ и понимали, и осуществляли. Мы глубоко убѣждены, что и впредь девизомъ нашей судебной дѣятельности будутъ многознаменательныя слова указа 20 ноября: „да правда и милость царствуютъ въ судахъ“.

---

[1]) Вербловскій, Полож. о сов. по ж.-д. дѣламъ Общій уст р. ж.-д. стр. 17—20. Шимановскій, О желѣзно-дор. уставѣ, стр. 98. Осецкій, Смерть и увѣчье и т. д., стр. 123—129. [2]) Зейлигеръ, Отвѣтств. ж. д. за вредъ и убытки. Ж. у. и гр. пр. 1889, кн. 4, стр. 12—26.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

Владиміра Фукса.

Наконецъ и Прибалтійскій край дождался своего обновленія въ судебномъ отношеніи и отнынѣ вмѣстѣ съ прочими губерніями Россіи будетъ чтить 20 ноября 1864 г. Еще 28 мая 1880 года Высочайшимъ повелѣніемъ творца Судебныхъ Уставовъ возложено было на подлежащія вѣдомства составленіе законодательныхъ предположеній о примѣненіи этихъ Уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ къ губерніямъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, но только 9 іюля истекшаго года послѣдовало осуществленіе этихъ предположеній, причемъ были измѣнены уже изданныя, хотя и не приведенныя въ дѣйствіе, правила объ учрежденіи мировыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Не излагая подробно всего содержанія „*Положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ*“, остановимся на главныхъ и основныхъ его постановленіяхъ, въ особенности тѣхъ, въ которыхъ „Положеніе“ отступаетъ отъ Судебныхъ Уставовъ.

Начнемъ съ *Учрежденія Судебныхъ Установленій* (ст. 2—51). Первое правило этого отдѣла гласитъ, что какъ письменное, такъ и словесное производство во вновь открытыхъ судебныхъ мѣстахъ происходитъ на русскомъ языкѣ, но 1) въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ участвующія въ

дѣлѣ лица, ихъ законные представители и повѣренные изъ близкихъ родственниковъ и по общимъ довѣренностямъ на управленіе имѣніемъ въ случаѣ незнанія русскаго языка могутъ заявлять словесныя просьбы и жалобы и представлять словесныя объясненія на мѣстномъ языкѣ, и 2) прошенія и жалобы лицъ, содержащихся подъ стражей, а также жалобы и объявленія о возбужденіи преслѣдованія по уголовнымъ дѣламъ, не прекращаемымъ примиреніемъ, дозволяется писать на мѣстныхъ языкахъ (ст. 2 и прим.). Приведеннымъ правиломъ разрѣшенъ весьма важный и спорный вопросъ о языкѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, причемъ русскій языкъ признанъ единственнымъ, а мѣстные допущены въ тѣхъ лишь предѣлахъ, какіе необходимы для того, чтобы не лишить правосудія безграмотную и темную массу населенія; о преимущественномъ же значеніи какого-либо изъ нихъ или даже равноправности ихъ съ русскимъ въ судебномъ дѣлопроизводствѣ отнынѣ не можетъ быть и рѣчи, и въ этомъ отношеніи законъ 9 іюля создаетъ положеніе совершенно противоположное тому, которое проектировало измѣненная имъ ст. 569 Учр. Суд. Уст., допускавшая въ дѣлопроизводство мировыхъ судей языки мѣстные и нѣмецкій безъ всякаго ограниченія и даже предписывавшая объявленіе на нихъ резолюцій и выдачу на одномъ изъ нихъ, по требованію сторонъ, копій съ рѣшеній, приговоровъ и протоколовъ.

Что касается дальнѣйшихъ постановленій этого отдѣла Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, то законъ 9 іюля вводитъ въ немъ существенныя измѣненія, касающіяся и мировыхъ, и общихъ судебныхъ мѣстъ. Во-первыхъ, мировые судьи и предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ не выбираются общественными учрежденіями, а опредѣляются Министромъ Юстиціи и притомъ безсрочно за исключеніемъ почетныхъ мировыхъ судей, которые назначаются на 3 года (ст. 518). Мѣстный элементъ не устраненъ отъ участія въ мировомъ институтѣ, и законъ прямо даже указываетъ какъ на кандидатовъ въ мировые судьи на мѣст-

ныхъ жителей, удовлетворяющихъ тѣмъ же требованіямъ, какія поставлены и для мировыхъ судей внутреннихъ губерній (ст. 5), но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ Министру Юстиціи право при недостаткѣ такихъ кандидатовъ назначать членами мироваго института и другихъ лицъ, соотвѣтствующихъ общимъ условіямъ для опредѣленія на судебныя должности (ст. 7). Понятно, что первое время при крайне недостаточномъ знакомствѣ представителей мѣстнаго населенія съ русскимъ языкомъ, на которомъ по ст. 2 будетъ вестись дѣлопроизводство даже и въ мировыхъ учрежденіяхъ, судьи изъ мѣстныхъ жителей въ особенности такъ сказать рядовые, именно участковые и добавочные, едва-ли будутъ фигурировать въ значительномъ числѣ, но въ будущемъ это отношеніе, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ измѣниться и въ ихъ пользу.

Во-вторыхъ, вслѣдствіе тѣсной связи, въ которую поставлены мировые съѣзды съ крѣпостнымъ отдѣленіемъ (ст. 49 пол. о преобр. суд. ч.) и крестьянскими судами (ст. 5, 13, 18, 44 полож. о преобраз. крест. учр.) предсѣдатель съѣзда, являющійся и начальникомъ крѣпостнаго отдѣленія (35, 38 перваго положенія), и должностнымъ лицомъ, надзирающимъ за дѣлопроизводствомъ верхнихъ крестьянскихъ судовъ (ст. 44 втораго положенія), долженъ былъ занять особое положеніе и дѣйствительно, въ видахъ исполненія новыхъ, возлагаемыхъ на него обязанностей онъ освобожденъ отъ завѣдыванія участкомъ (ст. 9).

Переходя къ общимъ судебнымъ установленіямъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ 4 окружные суда (Ревельскій, Рижскій, Митавскій и Либавскій) вошли въ округъ С.-Петербургской Судебной Палаты и отличаются отъ таковыхъ же во внутреннихъ губерніяхъ только тѣмъ, что при нихъ не учреждается ни должности старшаго нотаріуса, ни нотаріальныхъ архивовъ. Послѣдніе соединяются съ архивами крѣпостныхъ отдѣленій при мировыхъ съѣздахъ, (ст. 34), которыя находятся въ вѣдѣніи предсѣдателей съѣздовъ и состоятъ кромѣ нихъ еще изъ секретаря, назначаемаго ми-

нистромъ юстиціи, и канцелярскихъ чиновниковъ (ст. 37). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что секретарямъ крѣпостныхъ отдѣленій предоставляется право безъ внесенія установленнаго залога совершать нотаріальныя дѣйствія, относящіяся до актовъ, подлежащихъ укрѣпленію въ отдѣленіяхъ, при коихъ они состоятъ (ст. 44). Такое право несомнѣнно поведетъ къ тому, что всякій, желающій совершить сдѣлку по недвижимому имуществу, обратится за содѣйствіемъ къ секретарю крѣпостнаго отдѣленія, а не къ нотаріусамъ, что̀ должно отразиться какъ на доходахъ послѣднихъ, такъ и значительно повліять на ознакомленіе ихъ съ матеріальными законоположеніями о переходѣ недвижимыхъ имуществъ.

Обращаясь къ *Уставу Уголовнаго Судопроизводства* (ст. 51—63), мы прежде всего должны остановиться на 53 ст. Положенія, содержащей правило о томъ, что дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, вѣдаются сими судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Это правило вызываетъ соотвѣтствующія измѣненія и въ дальнѣйшемъ движеніи уголовныхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ окружными судами, именно необходимость апелляціонной инстанціи по всѣмъ приговорамъ послѣднихъ, что̀ и выражено въ ст. 60 положенія. Но другое основное положеніе Судебныхъ Уставовъ, о томъ, что по болѣе важнымъ преступленіямъ, влекущимъ за собой уголовное или исправительное наказаніе, судебному производству во всякомъ случаѣ предшествуетъ предварительное слѣдствіе и преданіе обвиняемаго суду, сохранено и для Прибалтійскихъ губерній (ст. 57) и притомъ въ первоначальной редакціи этого закона, вслѣдствіе чего, тогда какъ во всѣхъ округахъ, гдѣ дѣйствуютъ эти Уставы, примѣняется законъ о преданіи суду по редакціи 7 іюля 1889 г., въ силу котораго обрядъ этотъ касается только преступленій, наказуемыхъ лишеніемъ всѣхъ или особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію присвоенныхъ, относительно Прибалтійскаго края онъ требуется и для преступленій,

влекущихъ за собой и ограниченіе правъ состоянія. Едва ли слѣдуетъ видѣть въ такомъ сохраненіи первоначальной редакціи 544 ст. Уст. Уг. Суд. для вновь открытыхъ округовъ особенную цѣль и намѣреніе законодателя; скорѣе должно приписать это тому обстоятельству, что и Положеніе о преобразованіи судебной части въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской и законъ объ ограниченіи компетенціи присяжныхъ засѣдателей, одной изъ статей котораго и является измѣненная ст. 544, разсматривались одновременно въ Государственномъ Совѣтѣ безъ всякаго взаимодѣйствія.

Болѣе крупныя измѣненія выпали на долю *Устава Гражданскаго судопроизводства* (ст. 63—162), что обусловливается, главнымъ образомъ, дѣйствіемъ въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно особой системы гражданскаго права, чуждой нашимъ гражданскимъ законамъ. Кромѣ того, хотя процессъ гражданскій для нашихъ губерній и не былъ кодифицированъ, въ силу необходимости однако установить извѣстныя правила для производства дѣлъ, судебныя мѣста усвоили себѣ всецѣло, или въ измѣненномъ видѣ, многія нормы германскаго, такъ называемаго общаго процесса (der gemeine Process) и создали путемъ судебнаго обычая свои особыя правила; все это вмѣстѣ взятое и опредѣляло движеніе дѣлъ въ упраздненныхъ судебныхъ установленіяхъ Прибалтійскаго края. Нѣкоторыя изъ такихъ нормъ и правилъ вполнѣ соотвѣтствовали постановленіямъ матеріальнаго права и потребностямъ мѣстнаго юридическаго быта, вслѣдствіе чего съ ними необходимо было считаться при введеніи новаго гражданскаго процесса, который въ соотвѣтственныхъ частяхъ подвергся полному или частичному видоизмѣненію. Постановленія по Уставу Гражданскаго Судопроизводства начинаются ст. 63, предписывающей при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться постановленіями III части свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, а также мѣстными положеніями о крестьянахъ, за исключеніемъ тѣхъ частей ихъ, которыя отмѣ-

няются или измѣняются изданнымъ положеніемъ. Правило это имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, законы матеріальнаго гражданскаго права, содержащіеся въ упомянутыхъ сборникахъ, такъ какъ постановленія процессуальнаго права хотя и встрѣчаются въ нихъ, но изрѣдка. Отличительными чертами мѣстнаго гражданскаго права и процесса являются отсутствіе формъ для совершенія сдѣлокъ и широкое участіе свидѣлей для ихъ констатированія и опроверженія. Эти особенности, вытекающія изъ самой системы, и должны были вызвать измѣненія въ соотвѣтствующихъ постановленіяхъ Устава Гражданскаго Судопроизводства. Такъ относительно завѣщаній, совершеніе и отмѣна которыхъ во внутреннихъ губерніяхъ обставлены массой формальныхъ условій, причемъ устныя завѣщанія не признаются закономъ вовсе, хотя и устанавливается форма для совершенія публичнаго завѣщанія при участіи нотаріуса (ст. XVI Высоч. утв. 9 іюля 1889 г. мн. Гос. Сов.), однако въ отношеніи порядка отмѣны ихъ сохраняютъ (п. 9) силу мѣстныя узаконенія, допускающія отмѣну и такихъ завѣщаній не только публичными же актами, но и домашними завѣщаніями, или даже устнымъ объявленіемъ (ст. 2799, 2806, ч. III, св. мѣстн. узак.). Согласно съ вышеизложеннымъ, и ст. 409 Уст. Гр. Суд. должна была измѣниться въ своемъ содержаніи, и дѣйствительно 81 ст. Положенія разрѣшаетъ доказывать отдачу имущества на сохраненіе не только въ случаяхъ, перечисленныхъ въ 1 п. приведенной статьи, но и вообще; точно также строгое правило 410 ст. Уст. Гр. Суд. о недопустимости свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе содержанія письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, смягчается 82 ст. Положенія въ виду разрѣшенія мѣстными узаконеніями доказывать всевозможными способами и закономъ дозволенными средствами фиктивность всякихъ сдѣлокъ (ст. 2952, ч. III, св. мѣстн. узак.), уплату денегъ по обязательствамъ (ст. 3532), отмѣну простымъ соглашеніемъ договора, для совершенія кото-

раго не требовалась особая форма (ст. 3572), дѣйствительность мировыхъ сдѣлокъ (ст. 3605), условленной въ купчей платы, несогласной съ показанной въ ней (ст. 3850). Зато 3 п. 409 ст. Уст. Гр. Суд., согласованный въ ст. 80 Положенія съ мѣстными законами, значительно съуженъ въ его примѣненіи, такъ какъ по дѣйствующему въ Прибалтійскихъ губерніяхъ гражданскому праву о пріобрѣтеніи имуществъ по давности недостаточно только однихъ свидѣтельскихъ показаній о спокойномъ и непрерывномъ владѣніи въ теченіе давностнаго срока, но требуются еще другія условія, заимствованныя изъ римскаго права, именно, законное основаніе владѣнія и добрая вѣра владѣльца.

Такое же съ одной стороны расширеніе, съ другой ограниченіе правилъ уст. гражд. суд. оказывается и въ другихъ постановленіяхъ Положенія 9 іюля. Такъ по ст. 65 число неправоспособныхъ лицъ и тѣхъ, которые за нихъ дѣйствуютъ на судѣ, значительно увеличивается, согласно съ мѣстными узаконеніями (ст. 8, 9, 11, 12, 29—31, 41, 42, 207, 215, 216 и 509, ч. III); ст. 76 Положенія также опредѣляетъ, что при примѣненіи постановленій о повѣренныхъ должны быть принимаемы во вниманіе правила мѣстныхъ узаконеній, а изъ нихъ ст. 4384, ч. III лишаетъ даже универсальныхъ повѣренныхъ права полученія денегъ, если о томъ особо не упомянуто въ довѣренности, а ст. 4379 той же части разрѣшаетъ и безъ положительной оговорки въ довѣренности передавать полномочіе другому лицу, если причины, отъ самого уполномоченнаго происходящія, воспрепятствуютъ ему лично исполнить принятое на себя порученіе, свойство же дѣла не терпитъ отлагательства.

Подвѣдомственность дѣлъ мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ въ своихъ главныхъ положеніяхъ остается та-же, что и по уставу гражд. суд., и только 1) исключаются изъ вѣдѣнія мировыхъ учрежденій иски о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, такъ какъ для такихъ исковъ не имѣется основаній въ мѣстномъ гражданскомъ

правѣ, 2) для исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія не установляется срока, такъ какъ онъ опредѣляется въ мѣстныхъ узаконеніяхъ (годовой ст. 698 ч. III) и 3) иски о возстановленіи нарушеннаго права участія частнаго переименовываются въ иски о нарушеніи сервитутовъ въ недвижимомъ имѣніи (ст. 69). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, компетенція мировыхъ судей расширяется предоставленіемъ имъ разрѣшенія: 1) исковъ о показаніи движимой вещи, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что намѣревающійся предъявить право на движимую вещь и для этого желающій сперва ее увидѣть, можетъ требовать отъ всякаго держателя этой вещи, чтобы онъ ее ему показалъ (ст. 4593 ч. III), и 2) просьбъ о предварительномъ на всякую сумму обезпеченіи исковъ прежде предъявленія оныхъ. Не нужно быть глубокимъ юристомъ, чтобы признать громадную важность обоихъ законовъ въ охраненіи правъ частныхъ лицъ и въ особенности послѣдняго, въ виду того развитія, которое ему дано въ послѣдующихъ постановленіяхъ. Кредиторъ и взыскатель могутъ себя считать вполнѣ гарантированными отъ убытковъ при наличности ст. 87 положенія, допускающей обезпеченіе исполненія обязательства не только до предъявленія иска, но даже и до наступленія срока исполненія обязательства, въ случаѣ если должникъ, съ очевидною цѣлью избѣжать этого исполненія, по наступленіи ему срока или предъ наступленіемъ послѣдняго въ непродолжительномъ времени, скрывается изъ своего мѣстожительства, отчуждаетъ свое имущество или вывозитъ изъ нанятаго имѣнія находящуюся въ немъ движимость. Встрѣчающіеся въ практикѣ нашихъ внутреннихъ округовъ почти ежедневно случаи наглаго лишенія кредитора законнаго его удовлетворенія, стали бы немыслимы или по крайней мѣрѣ рѣдки при дѣйствіи и тамъ подобнаго закона, и судъ получилъ бы тогда возможность не только провозгласить формальное право на вознагражденіе за понесенные убытки отъ недобросовѣстныхъ, хотя и не преступныхъ поступковъ должника, но и предотвратить эти убытки.

Наконецъ, ст. 64 положенія вводитъ новый родъ исковъ, предъявляемыхъ по общимъ правиламъ о подсудности и въ мировыхъ, и общихъ судебныхъ мѣстахъ, именно о признаніи существованія или несуществованія юридическаго отношенія. Сущность этихъ исковъ заключается въ томъ, что лицо, имѣющее какой-либо законный интересъ, чтобы вопросъ о существованіи (Bestand) или несуществованіи юридическаго отношенія былъ немедленно разсмотрѣнъ судомъ, можетъ до момента нарушенія права, дающаго основаніе требовать удовлетворенія (actio nata est), обратиться въ судъ съ ходатайствомъ о подтвержденіи существованія юридическаго отношенія [1]). Жизненное значеніе такихъ исковъ, получившихъ признаніе въ практикѣ иностранныхъ и прибалтійскихъ судебныхъ мѣстъ, предотвращающихъ нарушеніе правъ, ясно само по себѣ и вызываетъ естественное желаніе распространенія приведенной 64 ст. и на внутреннія губерніи. Весьма подробныя правила и вполнѣ соотвѣтствующія дѣйствительнымъ отношеніямъ установляются положеніемъ относительно подсудности и для предъявленія исковъ по мѣстожительству отвѣтчика и по мѣсту исполненія обязательствъ, вслѣдствіе того, что положеніе приводитъ постановленія о томъ уст. гр. суд. въ согласіе (ст. 71, 72) съ мѣстными узаконеніями, которыя подъ мѣстожительствомъ лица разумѣютъ мѣсто, гдѣ сосредоточивается гражданская его дѣятельность и занятія (ст. 3066, ч. III) и при этомъ различаютъ мѣстожительство добровольное и законное, опредѣляютъ мѣстожительство жены и дѣтей и притомъ законныхъ и незаконныхъ; относительно же исковъ объ исполненіи требованій, по силѣ мѣстныхъ законовъ, оказывается возможнымъ для кредитора (ст. 3493—3503, ч. III) предъявленіе иска и въ другомъ, не только въ условленномъ, мѣстѣ, при чемъ судъ, взвѣсивъ выгоды обѣихъ сторонъ и разность стоимости предмета въ обоихъ мѣстахъ, постановляетъ рѣшеніе о

[1]) Положенія о преобраз. суд. ч., и пр. Изданіе Министерства Юстиціи Нолькена и Гасмана, т. I, стр. 49.

томъ, надлежитъ ли въ данномъ случаѣ внести или сдѣлать болѣе того или менѣе того, что собственно подлежитъ исполненію (ст. 3501, ч. III).

Изъ дальнѣйшихъ правилъ закона 9 іюля нельзя не остановиться на ст. 104, измѣняющей положенія уст. гр. суд. о давности, при уничтоженіи производства по неявкѣ отвѣтчика и неприведеніи въ теченіе трехъ лѣтъ заочнаго рѣшенія въ исполненіе, въ смыслѣ мѣстныхъ узаконеній, въ силу которыхъ самый фактъ судебнаго осуществленія права начатіемъ иска въ подлежащемъ судѣ или передъ избраннымъ посредникомъ прерываетъ давность (ст. 3629—3631, ч. III), хотя бы искъ и не былъ доведенъ до конца.

Что касается порядка приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, то положеніе согласуетъ отдѣлъ объ обращеніи взысканія на движимое имущество съ правилами, содержащимися въ мѣстныхъ узаконеніяхъ о принадлежности его къ другимъ вещамъ и о правахъ на него другихъ лицъ и постановляетъ, что не подвергаются аресту по взысканіямъ постороннихъ лицъ съ арендаторовъ имѣній тѣ плоды и произведенія почвы, которые по правиламъ объ арендныхъ договорахъ не могутъ быть вывозимы изъ имѣнія или могутъ быть потребляемы лишь на мѣстѣ (ст. 105), и что при взысканіи съ одного изъ супруговъ, опись и продажа движимости, находящейся въ общей ихъ квартирѣ, производится съ соблюденіемъ постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами (ст. 106); отношенія же эти въ различныхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края опредѣляются неодинаково закономъ, установляющимъ то общность имущества супруговъ и взаимную ихъ другъ за друга отвѣтственность (ст. 80, 85, 92 id.), то раздѣльность этихъ имуществъ (ст. 55, 58, ч. III) и притомъ постоянную или только временную, напр., до рожденія дѣтей (105 id).

Правила уст. гр. суд. объ обращеніи взысканія на недвижимое имущество подверглись большому измѣненію, вслѣдствіе дѣйствія въ Прибалтійскомъ краѣ ипотечной системы;

поэтому ст. 108 положенія предоставляетъ всѣмъ ипотечнымъ кредиторамъ права, которыми пользуются по уст. гражд. суд. взыскатель и должникъ и вообще кредиторы (присутствіе при описи, предъявленіе на него замѣчаній, согласіе на отсрочку продажи, участіе въ торгахъ). При дальнѣйшемъ ходѣ взысканія судебный приставъ также обязывается ко многимъ дѣйствіямъ, обусловливаемымъ существованіемъ ипотечнаго порядка, именно: посылаетъ повѣстку объ обращеніи взысканія на ипотекованное имѣніе всѣмъ ипотечнымъ кредиторамъ (ст. 112); выжидаетъ возраженіе ихъ противъ оцѣнки имѣнія, сдѣланной по соглашенію между взыскателемъ и должникомъ (ст. 122, 123); приступаетъ къ описи только при требованіи о томъ заинтересованныхъ лицъ, въ числѣ коихъ значатся и ипотечные кредиторы (ст. 117), причемъ имѣніе описывается въ томъ составѣ, въ которомъ оно значится въ крѣпостной книгѣ (ст. 121). Самый торгъ начинается съ суммы оцѣнки или съ суммы требованій, пользующихся въ порядкѣ удовлетворенія преимуществомъ или старшинствомъ предъ всѣми обращенными на имѣніе взысканіями, смотря потому, которая изъ сихъ суммъ выше (ст. 134). Въ этомъ отдѣлѣ опредѣляется также сила и дѣйствительность договоровъ, заключенныхъ по имѣнію должникомъ до и послѣ внесенія въ крѣпостныя книги отмѣтки объ обращеніи на него взысканія (ст. 115 и 116), и право зачета покупщикамъ въ покупную сумму ипотечныхъ долговъ (ст. 139 и 140). Особеннаго вниманія, между прочимъ, заслуживаетъ ст. 147, въ силу коей торгъ не подлежитъ уничтоженію по причинѣ, указанной въ п. 1 ст. 1180 уст. гр. суд. то есть, когда проданное на публичныхъ торгахъ имѣніе окажется впослѣдствіи по суду непринадлежавшимъ должнику. Право, въ ней постановленное, обусловливается съ одной стороны также существованіемъ ипотечнаго порядка, а съ другой и тѣмъ, что по мѣстнымъ узаконеніямъ договоръ купли-продажи признается уничтоженнымъ [1]) лишь въ случаѣ не-

[1]) Id., стр. 128, ч. I.

добросовѣстности обѣихъ сторонъ, знавшихъ о томъ, что продаваемая вещь чужая и продается безъ вѣдома и согласія собственника (ст. 3838 ч. III); при добросовѣстности же покупщика собственникъ ея можетъ простирать требованіе только къ продавцу (ст. 923, 3839 ч. III). Поэтому-то вышеприведенная ст. 147 Положенія и узаконяетъ, что въ случаѣ, ею предусматриваемомъ въ отношеніи третьяго лица, за коимъ судомъ признано будетъ право собственности на проданное имѣніе, вырученная продажею сумма замѣняетъ самое имѣніе. Что касается распредѣленія взысканной суммы, то по ст. 152 Положенія сумма, вырученная отъ продажи недвижимаго имѣнія, представляется въ мѣстный окружный судъ во всякомъ случаѣ, а не только тогда, когда она оказывается недостаточной для полнаго удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ ко взысканію претензій (ст. 1214 уст. гр. суд.); при распредѣленіи же ея, претензіи удовлетворяются въ порядкѣ, обусловливаемомъ существованіемъ ипотечной системы укрѣпленія правъ на недвижимое имущество и особыми мѣстными гражданскими законами, предоставляющими преимущественное право нѣкоторымъ претензіямъ (ст. 153), напримѣръ: лицъ, служившихъ по управленію проданнымъ имѣніемъ или производившимъ въ немъ какія-либо работы за одинъ годъ, непосредственно предшествующій дню торга (ст. 4174 ч. III), далѣе лицъ, состоящихъ подъ опекой или попечительствомъ должника, а также его несовершеннолѣтнихъ дѣтей и, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не существуетъ общности имущества супруговъ, жены должника, когда претензіи его истекаютъ изъ управленія должникомъ имуществомъ означенныхъ лицъ.

Изъ дальнѣйшихъ постановленій закона 9 іюля остановимся на статьѣ 160 и 161, предписывающихъ, при примѣненіи правилъ уст. гр. суд. о примирительномъ разбирательствѣ, принимать въ соображеніе мѣстныя узаконенія, которыя разрѣшаютъ, во-первыхъ, отмѣнять мировыя сдѣлки по обоюдному соглашенію (ст. 3613 ч. III) и даже оспаривать ихъ, и притомъ не только въ случаѣ принужденія

и обмана при заключеніи (ст. 3614), но и ущерба свыше половины стоимости предмета, ее составляющаго (по Эстляндскому и Пильтенскому правамъ ст. 3615), и ошибки, когда обстоятельство, послужившее основаніемъ ея и предполагавшееся существующимъ, впослѣдствіи окажется неправильнымъ (ст. 3616 ч. III).

Статьями 161 и 162 оканчиваются собственно постановленія по уставу гражд. судопроизводства, а затѣмъ слѣдуютъ такъ называемыя *Дополнительныя постановленія* (ст. 162—170), содержащія между прочимъ опредѣленія о непримѣнимости къ Прибалтійскимъ губерніямъ правилъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ, о замѣнѣ наложенія запрещеній на недвижимое имѣніе внесеніемъ отмѣтки въ крѣпостную на имѣніе книгу, наименованіе актовъ крѣпостныхъ и явочныхъ публичными.

Второй раздѣлъ Положенія озаглавленъ *Объ особыхъ производствахъ* (ст. 170—360). Онъ содержитъ въ себѣ правила объ охранительномъ судопроизводствѣ, всецѣло почти отмѣняющія таковыя же для внутреннихъ губерній. Порядокъ ихъ слѣдующій: а) объ усыновленіи (ст. 171 — 176); б) о признаніи лицъ умалишенными и объ учрежденіи надъ ними попечительства (ст. 177—191); в) о признаніи лицъ расточителями и объ учрежденіи надъ ними попечительства (ст. 191—203); г) о попечительствѣ надъ имуществомъ отсутствующихъ и безвѣстно отсутствующихъ (ст. 203—219); д) о порядкѣ вскрытія и обнародованія завѣщаній (ст. 219—234); е) объ охраненіи наслѣдства (ст. 234—272); ж) о попечительствѣ надъ наслѣдствомъ (ст. 272—274); з) о публикаціи объ открытіи наслѣдства (ст. 274—278); и) о производствахъ по принятію наслѣдства (ст. 278 — 282); і) объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства (ст. 282—287); к) о раздѣлѣ наслѣдства (ст. 287—293); л) о выкупѣ имуществъ (ст. 293—298); м) о добровольной судебной продажѣ недвижимаго имущества (ст. 298 — 310); н) о взносѣ на храненіе (ст. 310—317); о) о вызывномъ производствѣ (ст. 317—

357); п) объ опредѣленіи вознагражденія за имущества, отчуждаемыя въ принудительномъ порядкѣ (ст. 357—360). Подробное изложеніе всѣхъ постановленій этого раздѣла представляется излишнимъ; перечисленныя оглавленія особыхъ подраздѣленій съ достаточною ясностью знакомятъ съ содержаніемъ каждаго изъ нихъ; но они основаны на мѣстныхъ гражданскихъ законахъ, хотя нѣкоторыя, напримѣръ, о вызывномъ производствѣ, не чужды уставу гражд. судоп. и гражданскимъ законамъ внутреннихъ губерній. Цѣлью своей это послѣднее производство имѣетъ охраненіе правъ частныхъ лицъ при содѣйствіи суда, а послѣдствіемъ—признаніе ихъ, при незаявленіи правъ въ срокъ, назначенный судомъ, утратившими эти права [1]). По первымъ четыремъ производствамъ передъ постановленіемъ судебнаго опредѣленія выслушивается заключеніе прокурорскаго надзора, который, за исключеніемъ перваго случая, имѣетъ право даже своимъ предложеніемъ возбудить самое производство и, при несогласіи съ судебнымъ опредѣленіемъ, опротестовать послѣднее. Хотя о правѣ протеста прямо упоминается только въ ст. 189 Положенія при производствѣ о признаніи лицъ умалишенными; но оно вытекаетъ само собой изъ положенія, которое прокуратура занимаетъ по закону и во всѣхъ остальныхъ.

По положенію о нотаріальной части заслуживаетъ вниманія во-1-хъ, что архивы нотаріальные соединяются съ крѣпостными (ст. 363), причемъ обязанности, возложенныя на старшихъ нотаріусовъ пп. 1 и 2 ст. 154 нотаріальнаго положенія (завѣдываніе архивомъ, выдача выписей изъ актовыхъ книгъ и копій), исполняются секретаремъ того крѣпостного отдѣленія, въ округѣ коего находится контора нотаріуса (ст. 364); нотаріусы же обязываются вести только одну актовую книгу, въ которую вносятся всѣ акты, совершаемые нотаріальнымъ порядкомъ (ст. 366). Кругъ дѣйствій нотаріусовъ значительно съуживается въ

---

¹) Id. стр. 195, 197 ч. I.

силу дозволенія, вытекающаго изъ системы мѣстнаго гражданскаго права, совершать акты на недвижимое имущество домашнимъ порядкомъ (ст. 368) и крайняго ограниченія числа актовъ, совершеніе которыхъ нотаріальнымъ порядкомъ (по ст. 369 всего 5) или явка которыхъ (id. всего 3) обязательны. Относительно порядка совершенія актовъ ст. 373, также основываясь на мѣстныхъ гражданскихъ законахъ, постановляетъ, что свидѣтелями преимущественно должны быть лица мужеского пола и только, за неимѣніемъ ихъ, лица женскаго пола.

Затѣмъ слѣдуютъ: 1) *Временныя правила о производствѣ дѣлъ торговыхъ* (ст. 1 — 22), заключающія въ себѣ нѣсколько постановленій, имѣющихъ цѣлью ускорить производство этихъ дѣлъ, установить значеніе и силу такихъ спеціально торговыхъ доказательствъ, какъ торговыя книги, и допустить при разрѣшеніи дѣлъ, въ случаѣ отсутствія точныхъ и ясныхъ законовъ, торговый обычай.

2) *Временныя правила о производствѣ дѣлъ о несостоятельности* (ст. 1—49), дополняющія и измѣняющія, соотвѣтственно съ дѣйствующими въ Прибалтійскихъ губерніяхъ гражданскими законами, правила, изложенныя въ приложеніи VI къ ст. 1400 Уст. Гр. Суд. Эти законы оказали значительное вліяніе на все конкурсное производство и представляютъ многія отступленія отъ дѣйствующаго во внутреннихъ губерніяхъ, несомнѣнно въ смыслѣ его упрощенія, быстроты и болѣе цѣлесообразныхъ и практичныхъ мѣръ къ справедливому удовлетворенію кредиторовъ и лицъ, заинтересованныхъ въ имуществѣ несостоятельнаго.

3) *Временныя правила о порядкѣ производства крѣпостныхъ дѣлъ* (ст. 1 — 76), состоящія изъ 3 раздѣловъ: I—о крѣпостныхъ книгахъ, II — о производствѣ крѣпостныхъ дѣлъ и III—о порядкѣ укрѣпленія купчихъ контрактовъ на крестьянскіе арендные участки. Подробное изложеніе этихъ правилъ завело бы насъ слишкомъ далеко, а потому и приходится ограничиться замѣчаніемъ, что они содержатъ въ себѣ полную систему ипотечнаго порядка,

пріуроченнаго къ мѣстнымъ условіямъ и законамъ, не оставшимся однако въ этомъ отношеніи совершенно безъ измѣненія. Съ временными правилами въ тѣсной связи находятся постановленія подъ лит. Б, *о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ объ ипотекахъ* (ст. 1 — 12), отмѣняющія ипотеки генеральныя и на движимости, а также частныя и безмолвныя, и опредѣляющія, что ипотека даетъ кредитору вещное право на заложенную недвижимость лишь по внесеніи ея въ крѣпостныя книги (ст. 1). Начало публичности, выраженное такъ категорично, дополняется вслѣдъ затѣмъ и началомъ спеціальности вслѣдствіе требованія внесенія ипотеки въ книги не иначе, какъ въ размѣрѣ опредѣленной суммы денегъ и на опредѣленное недвижимое имѣніе, коего собственникомъ или пользователемъ на правахъ собственности залогодатель значится въ сихъ книгахъ (ст. 4). Такимъ образомъ эти два начала твердо и категорично выдвинуты новыми правилами на пользу и благо мѣстнаго гражданскаго быта, интересы котораго нерѣдко страдали отъ отсутствія безусловнаго признанія въ мѣстномъ правѣ этихъ двухъ краеугольныхъ камней всякой ипотечной системы. Наконецъ, постановленіями подъ лит. В, *объ учрежденіи опекунскихъ установленій* (ст. 1—13) заканчивается законъ 9 іюля. Опекунскія установленія образуются по типу существующихъ во внутреннихъ губерніяхъ, причемъ они ставятся только подъ болѣе опредѣленный контроль окружнаго суда, утверждающаго цѣлый рядъ ихъ постановленій (ст. 7).

Одновременно съ Положеніемъ о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ обнародовано *Положеніе о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ* въ этихъ же губерніяхъ, которое и въ отношеніи крестьянскаго управленія установляетъ новые органы и опредѣляетъ сферу и способы ихъ дѣйствій. Реформа коснулась не только административной стороны жизни крестьянскаго населенія, но и судебной, а потому и не представляется возможнымъ, говоря о Положеніи о пре-

образованіи судебной части, не сказать нѣсколько словъ о второмъ его отдѣлѣ, который заключаетъ въ себѣ постановленія судебнаго характера. Положеніе о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній вводитъ въ нихъ волостные и верхніе крестьянскіе суды (Волостной судебный уставъ ч. I), изъ которыхъ первые образуются изъ выбираемыхъ крестьянскимъ населеніемъ на 3 года судей, избирающихъ изъ своей среды предсѣдателя (ст. 8, 10 Вол. суд. уст. ч. I); вторые — изъ предсѣдателей волостныхъ судовъ подъ постояннымъ предсѣдательствомъ, назначаемаго министромъ юстиціи, предсѣдателя (ст. 30 id.) или, за отсутствіемъ послѣдняго, почетнаго или добавочнаго мирового судьи (ст. 35 id.). Высшій надзоръ за тѣми и другими судами и разсмотрѣніе приносимыхъ на нихъ жалобъ возлагаются на съѣзды мировыхъ судей (ст. 43); ревизія дѣлопроизводства волостныхъ судовъ поручается предсѣдателямъ верхнихъ крестьянскихъ судовъ, а ревизія дѣлопроизводства послѣднихъ, лежитъ, какъ уже выше сказано, на предсѣдателѣ мирового съѣзда (ст. 44 id.). За постановленіями о крестьянскихъ судахъ идутъ правила о производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ (II и III ч. id.), составляющія въ большей своей части съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловливаемыми мѣстными гражданскими законами, повтореніе правилъ разбирательства дѣлъ у мировыхъ судей, только еще болѣе упрощенныя въ видахъ доступности и скорости суда. Передача содержанія всѣхъ ихъ не представляетъ поэтому интереса, и достаточно остановиться только на постановленіяхъ о подсудности, обжаловании рѣшеній и исполненіи послѣднихъ. Къ гражданской компетенціи волостныхъ судовъ отнесены иски между крестьянами, а также, въ случаѣ согласія, между ними и лицами, не состоящими членами волостныхъ обществъ, и даже дворянами, чиновниками, священно и церковнослужителями, почетными гражданами и купцами: о движимости, по обязательствамъ и договорамъ и о вознагражденіи за убытки цѣною не свыше ста

рублей, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и пользованія сервитутами, если со времени нарушенія прошло не болѣе года (ст. 7, 8 ч. II Вол. суд. уст.). На рѣшенія волостныхъ судовъ по искамъ свыше 15 р. или не подлежащимъ оцѣнкѣ приносятся апелляціонныя жалобы верхнему крестьянскому суду въ теченіе двухъ недѣль (ст. 111 id.). На окончательныя рѣшенія волостныхъ судовъ (по искамъ до 15 р.) допускаются въ тотъ же срокъ и въ тотъ же судъ жалобы о кассаціи только въ опредѣленныхъ случаяхъ, именно: 1) при принятіи къ разсмотрѣнію неподсуднаго дѣла, 2) при явномъ нарушеніи правъ сторонъ по вызову, предъявленію ими объясненій и доказательствъ, требованіямъ ихъ объ отводѣ судей, свидѣтелей и экспертовъ, и 3) при постановленіи рѣшенія, противорѣчащаго другимъ рѣшеніямъ того же или другого суда, вошедшимъ въ законную силу, или явно незаконнаго, именно: постановленнаго въ составѣ менѣе трехъ судей, или о предметѣ, о которомъ не было предъявлено требованія, или присуждающаго болѣе того, что требовалось тяжущимися (ст. 123). На рѣшеніе верхнихъ крестьянскихъ судовъ, состоявшихся въ апелляціонномъ порядкѣ, приносятся просьбы объ отмѣнѣ въ тотъ же срокъ и въ тѣхъ же случаяхъ мировому съѣзду (ст. 132 id.). Если принесены просьбы о кассаціи или пересмотрѣ рѣшенія, движимое имущество или денежная сумма, присужденная рѣшеніемъ, могутъ быть переданы истцу только подъ условіемъ представленія имъ обезпеченія (ст. 127 id.); самыя же рѣшенія и волостныхъ, и верхнихъ крестьянскихъ судовъ приводятся въ исполненіе по исполнительнымъ листамъ черезъ отряжаемыхъ для того членовъ волостного суда (ст. 138, 153 id.). Что касается до подсудности волостныхъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ, то она установляется во Временныхъ Правилахъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами, причемъ признается необходимымъ, чтобы обвиняемые были членами волостныхъ обществъ безусловно, а потерпѣвшія же могутъ ими и не быть, и чтобы проступки были совершены въ мѣстностяхъ, входя-

щихъ въ составъ волостныхъ судебныхъ участковъ (ст. 9 ч. III Вол. Суд. Уст.).

Изъ судопроизводственныхъ правилъ обращаютъ на себя вниманіе между прочимъ слѣдующія: 1) по общимъ преступленіямъ судъ, при неимѣніи въ виду подозрѣваемаго въ проступкѣ или при недостаточности доказательствъ или же при отсутствіи иныхъ необходимыхъ свѣдѣній, можетъ возложить на одного изъ своихъ членовъ производство разслѣдованія (ст. 23 id.); 2) вызваный волостнымъ судомъ обвиняемый обязанъ лично явиться въ судъ, если во время врученія повѣстки онъ находился въ округѣ верхняго крестьянскаго суда, которому подчиненъ вызывающій его волостной судъ (ст. 27 id.) и 3) въ случаѣ присылки частнымъ обвинителемъ вмѣсто себя повѣреннаго, судъ можетъ потребовать личной его явки для разъясненія обстоятельствъ дѣла (ст. 33). Нельзя не признать цѣлесообразности послѣднихъ двухъ правилъ въ интересахъ быстроты производства и всесторонняго разъясненія дѣла; что же касается перваго, то хотя оно и установляетъ смѣшеніе функцій слѣдователя и судьи, но въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которые поставлена дѣятельность волостного суда, отъ этого смѣшенія едва ли возможно ожидать вредныхъ послѣдствій, быстрота же движенія дѣла, а пожалуй и успѣхъ его, въ виду производства разслѣдованія членомъ волостного суда, близко знакомымъ съ мѣстными условіями, могутъ считаться обезпеченными. Приговоры волостныхъ судовъ признаются окончательными, когда ими назначаются въ видѣ наказанія денежное взысканіе не свыше 5 руб. или взамѣнъ его арестъ не болѣе 3-хъ дней, если притомъ сумма предъявленнаго гражданскаго иска не превышаетъ 15 руб. (ст. 63, id.); прочіе же приговоры подлежатъ обжалованію въ теченіе двухъ недѣль въ верхніе крестьянскіе суды (ст. 64, 65 и слѣд. id.), постановляющіе приговоры окончательные; на послѣдніе, а также на окончательные приговоры волостныхъ судовъ допускаются въ двухъ-недѣльный

срокъ кассаціонныя жалобы: на волостные суды въ верхніе крестьянскіе суды, а на послѣдніе въ мировые съѣзды въ тѣхъ же случаяхъ, какіе перечислены выше по гражданскимъ дѣламъ съ прибавленіемъ еще одного—именно явнаго нарушенія прямого смысла Временныхъ Правилъ о наказаніяхъ (ст. 80 id.). Относительно дальнѣйшаго движенія дѣла, послѣ отмѣны окончательнаго приговора, законъ вводитъ новое правило, представляющее смѣшеніе апелляціоннаго порядка съ кассаціоннымъ, основанное на соображеніяхъ Государственнаго Совѣта о неудобствахъ вторичной явки участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла по существу [1]), именно: если 1) отмѣна послѣдовала по неподсудности дѣла волостнымъ судамъ, то дѣло получаетъ дальнѣйшее въ законномъ порядкѣ направленіе, если же 2) отмѣна состоялась по другимъ основаніямъ, то или *постановляется новый приговоръ*, или для постановленія новаго приговора дѣло передается въ одинъ изъ ближайшихъ волостныхъ или верхнихъ крестьянскихъ судовъ (ст. 85 id.). Приговоры и волостныхъ, и верхнихъ крестьянскихъ судовъ надъ лицами, проживающими въ кругѣ вѣдомства первыхъ, исполняются самими волостными судами (ст. 90, 91 id.).

Наконецъ, IV часть Волостного судебнаго устава содержитъ въ себѣ, упомянутыя выше *Временныя правила о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами.* Эти Правила представляютъ простое перечисленіе, изъ Положенія о крестьянахъ Лифляндской губ. 1860 г., тѣхъ статей (числомъ 38), которыя сохраняютъ силу (ст. 1), съ пояснительными (ст. 3—20) постановленіями, повторяющими нѣкоторыя положенія изъ общей части Устава о нак. нал. мир. суд. и устанавливающими правила о высшемъ размѣрѣ тѣлеснаго наказанія (20 ударовъ) и о замѣнѣ его строгимъ арестомъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ на срокъ не свыше двухъ недѣль не только для лицъ, изъя-

[1]) Цитированное выше изданіе М. Ю., стр. 148.

тыхъ отъ тѣлеснаго наказанія по общимъ или мѣстнымъ узаконеніямъ, но и для тѣхъ изъ осужденныхъ, которые будутъ о томъ просить (ст. 3, 5 id.). Что касается самыхъ правилъ о наказаніяхъ, то въ опредѣлительной части своей они представляются сходными во многомъ съ правилами сельско-судебнаго устава для внутреннихъ губерній и только еще болѣе многословны и казуистичны. Хотя такое свойство ихъ вызывается стремленіемъ законодателя по возможности облегчить для волостныхъ судей, необладающихъ юридическимъ образованіемъ, примѣненіе ихъ къ дѣйствительной жизни; но несомнѣнно, что на практикѣ оно можетъ повести къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ, именно, оставленію безъ наказанія виновныхъ въ аналогичныхъ проступкахъ, не заключающихъ однако въ себѣ тѣхъ, подробныхъ и иногда случайныхъ, признаковъ, которыми опредѣляется дѣяніе въ законѣ. Нѣкоторыя правила содержатъ такія постановленія, которыя, очевидно, вытекаютъ изъ мѣстныхъ отношеній, такъ напримѣръ, воспрещается лицамъ всѣхъ сословій скупать у крестьянъ хлѣбъ или иныя произведенія на корнѣ за исключеніемъ только сѣнного укоса, который можетъ быть продаваемъ до кошенія собственникомъ во всякое время, а арендаторомъ съ согласія вотчинника (ст. 1078); запрещается упрекать незаконнорожденныхъ дѣтей ихъ происхожденіемъ или издѣваться надъ изнасилованною или обольщенной женщиной (ст. 1097); нѣкоторыя правила были бы вполнѣ умѣстны и въ примѣненіи къ внутреннимъ губерніямъ—такъ по ст. 1073, буде слесарь, безъ позволенія хозяина, по требованію домашней прислуги, отомкнетъ замокъ, или сдѣлаетъ къ оному новый ключъ, или выдастъ отмыкательные крючки и чрезъ то безъ умысла будетъ способствовать кражѣ, то онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть присужденъ къ вознагражденію понесеннаго убытка.

Устанавливаемыя разсматриваемыми законоположеніями взысканія превышаютъ нѣсколько наказанія, полагаемыя по сельско-судебному уставу для внутреннихъ губерній.

Кромѣ того, весьма широко практикуется употребленіе въ безплатныя работы въ пользу общества (6 случаевъ); удерживаются мѣры уголовнаго воздѣйствія, уже отошедшія въ вѣчность, каково испрошеніе у обиженныхъ прощенія (ст. 1097), объявленіе публично о жестокосердіи того, кто, не подвергаясь самъ особенной опасности, имѣлъ возможность спасти погибающаго отъ огня, потопленія или отъ нападенія разбойниковъ, но не подалъ ему необходимой помощи (ст. 1052). Наконецъ, временныя правила устанавливаютъ одинъ общій срокъ давности, для проступковъ, подсудныхъ волостнымъ судамъ, именно, шестимѣсячный, а такъ какъ въ числѣ этихъ проступковъ значится и простая кража на сумму до 10 руб. безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, то оказывается, что и она погашается тою же сокращенною давностью.

А. Д. ГРАДОВСКІЙ.

13 декабря 1841 г. — 6 ноября 1889 г.

Н. М. Коркунова.

Въ лицѣ скончавшагося въ ноябрѣ истекшаго года А. Д. Градовскаго русская наука понесла тяжелую потерю. Это былъ учитель въ самомъ высокомъ значеніи слова. Всегда искренній и часто увлекающійся, онъ умѣлъ увлечь съ собою и слушателя, и читателя. Его слово дѣйствовало обаятельно потому, что всегда неизмѣнно служило высокимъ началамъ правды. Его рѣчь производила глубокое впечатлѣніе, потому что въ ней слышалась живая, неподдѣльная вѣра. И все это подкрѣплялось великою силой обширнаго знанія и глубокаго ума.

Журнальныя статьи и публичныя лекціи покойнаго были такъ блестящи, что въ глазахъ иныхъ они заслоняли его крупныя ученыя работы. Но и самый этотъ блескъ его публицистической дѣятельности обусловливался серьезною научною подготовкой: она-то и придавала такую силу его рѣчи, она-то и дѣлала ее такой убѣдительной и содержательпой.

Научное наслѣдіе, оставленное покойнымъ А. Д. Градовскимъ, очень значительно. Высшая администрація XVIII в. и генералъ-прокуроры, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, Начала русскаго государственнаго права, Германская конституція, Государственное право главнѣйшихъ европей-

скихъ державъ, три сборника его статей: Исторія, политика, администрація, Національный вопросъ и Трудные годы—таковы главнѣйшія его произведенія, не считая множества отдѣльныхъ статей, разсѣянныхъ въ журналахъ и газетахъ.

Но среди всѣхъ этихъ ученыхъ и публицистическихъ произведеній первое и, такъ сказать, центральное мѣсто принадлежитъ, безспорно, его Началамъ русскаго государственнаго права. Съ преподаванія именно русскаго права началъ покойный свою дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ, и всѣ другія его произведенія какъ-бы тяготѣютъ къ этому основному, главному труду его жизни. Всѣ они служили или подготовкой къ нему, или частнымъ освѣщеніемъ проводимыхъ въ немъ идей: закона, народности, свободы. И это дѣлалось само собой, невольно, такъ какъ вся дѣятельность А. Д. Градовскаго посвящена была, въ сущности, одному дѣлу; во всѣхъ своихъ трудахъ онъ ставилъ себѣ всегда одну и ту же высокую задачу: выяснить и осмыслить основныя начала нашей государственной жизни. Въ наукѣ онъ видѣлъ не книжную только мудрость, но живую историческую силу. Научную дѣятельность онъ понималъ, прежде всего, какъ служеніе родной странѣ. Каждое его произведеніе, можно сказать — каждая строчка, выходившая изъ подъ его пера, служила отвѣтомъ на волновавшіе и волнующіе наше общество вопросы. Поэтому, оставленное имъ наслѣдіе не представляется случайною совокупностью разрозненныхъ статей и изслѣдованій. Нѣтъ, это одно стройное цѣлое. Словно, съ самаго начала онъ составилъ себѣ опредѣленный планъ работы на всю свою жизнь.

Подготовкой къ выясненію „началъ" русскаго государственнаго строя послужили, прежде всего, историческія работы. Въ своей магистерской диссертаціи А. Д. Градовскій далъ мастерское изображеніе постепеннаго историческаго развитія въ нашей высшей администраціи XVIII в. личнаго начала, подготовившаго послѣдовавшую затѣмъ замѣну коллегій министерствами. Исторія мѣстнаго управленія въ московскомъ

государствѣ послужила предметомъ его докторской диссертаціи, содержащей въ себѣ и обстоятельную теоретическую разработку вопроса о мѣстномъ самоуправленіи. Извѣстная книга В. И. Сергѣевича „Вѣче и князь“ дала ему поводъ изложить въ обширной критической статьѣ свои взгляды на нашъ государственный строй вѣчевого періода.

Но покойный профессоръ не ограничился одной только исторической подготовкой. Начала русскаго государственнаго права являются выясненными у него не только исторически, но и теоретически. И вотъ, прежде всего представлялось необходимымъ выяснить, въ какомъ отношеніи находятся между собой своеобразныя начала нашего государственнаго быта къ общимъ принципамъ, выработаннымъ политической наукой запада. Мы приняли участіе въ общей европейской жизни послѣ долгой, вѣковой отчужденности. Мы вступили въ семью европейскихъ народовъ съ самобытными особенностями, обусловленными своеобразностью нашего историческаго прошлаго. Противоположеніе русской самобытности началамъ западной политической жизни породило у насъ борьбу двухъ направленій, западническаго и славянофильскаго. На чью сторону долженъ былъ стать истолкователь русскаго государственнаго права въ этомъ спорѣ? Въ блестящихъ лекціяхъ своихъ о славянофилахъ раскрылъ онъ предъ слушателями общіе корни и общія ошибки и западниковъ, и славянофиловъ, одинаково опиравшихся на философское ученіе Фихте и Гегеля, одинаково впадавшихъ въ крайность. Самъ онъ, вмѣстѣ съ славянофилами, выдвигаетъ значеніе народности, какъ необходимой основы прочнаго политическаго развитія, и въ цѣломъ рядѣ статей старается выяснить идею народности въ ея отношеніи къ государству. Но онъ же вмѣстѣ съ западниками признаетъ необходимымъ поучиться у западныхъ народовъ, чтобы усвоить себѣ все, что есть въ ихъ цивилизаціи общечеловѣческаго. Не мало труда положилъ онъ на изученіе исторіи политическихъ учрежденій запада и, въ своемъ „Государственномъ правѣ главнѣйшихъ европейскихъ державъ“, далъ намъ та-

лантливое изложеніе постепеннаго развитія конституціонализма. Въ обширномъ двухтомномъ трудѣ „Германская конституція“ мы находимъ яркую картину политическаго объединенія нѣмецкаго народа.

Среди изслѣдованій А. Д. Градовскаго найдутся и посвященныя изученію отвлеченныхъ философскихъ системъ. Но характерно, что и тутъ онъ выбралъ именно то философское ученіе, ученіе Гегеля, которое пользовалось особеннымъ вліяніемъ въ русской жизни, получило руководящее значеніе для литературныхъ кружковъ сороковыхъ годовъ. И такъ во всемъ. Все, что написано А. Д. Градовскимъ, имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ нашей государственной и общественной жизни.

Быть можетъ читатель скажетъ, что такъ и должно быть съ каждымъ государствовѣдомъ, что русскій изслѣдователь государственнаго права и не можетъ выбирать вопросовъ, чуждыхъ русской жизни. Да, конечно, такъ и должно быть, но только это далеко не такъ на самомъ дѣлѣ. Въ нашихъ университетахъ и было, и есть не мало профессоровъ государственнаго права; но труды ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ, остались совершенно чуждыми русской жизни. Мы имѣемъ спеціальныя изслѣдованія по организаціи мѣстнаго самоуправленія въ Пруссіи и Франціи; мы имѣемъ книги, спеціально посвященныя изложенію ученій Штейна и Гнейста, чего нѣтъ даже у самихъ нѣмцевъ; у насъ имѣются архивныя изслѣдованія по юрисдикціи налоговъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, — все это у насъ есть. Но если васъ интересуетъ какой-нибудь вопросъ нашего государственнаго права, вы найдете его разработку только у Градовскаго, у одного Градовскаго. И это такъ даже по самымъ крупнымъ вопросамъ государственнаго права. Въ системѣ нашего законодательства III и IX томы Свода Законовъ, конечно, одни изъ самыхъ важныхъ. Въ силу особенностей нашего государственнаго строя государственная служба получаетъ особенное значеніе. У насъ это не только техническій вопросъ цѣлесообразнаго пополненія

личнаго состава государственныхъ учрежденій. У насъ государственная служба имѣетъ и политическое значеніе, какъ единственная форма участія общества въ общей государственной жизни, какъ главный путь къ переходу въ привилегированное состояніе дворянства. Постановка государственной службы такимъ образомъ непосредственно вліяетъ на весь складъ нашей государственной жизни. Слѣдовало бы поэтому ожидать, что по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ сдѣлается у насъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій. Въ нашей литературѣ, правда, имѣются двѣ монографіи о государственной службѣ, Нелидова и Куплевасскаго, но ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни слова о русскомъ законодательствѣ. То-же самое повторилось и съ нашими законами о правахъ состоянія. Выдающаяся историческая роль дворянства, громадное значеніе крестьянской реформы, казалось бы, сами собой заставляютъ русскаго государствовѣда остановиться на изученіи IX тома и Особаго къ нему приложенія. Но и по этому отдѣлу законодательства во всей нашей литературѣ только и есть, что первый томъ Началъ русскаго государственнаго права.

Чѣмъ же объяснить такое безучастіе нашихъ публицистовъ къ родному праву? Объясненія можно искать тутъ лишь въ одномъ — въ необыкновенной трудности дѣла. Матеріалъ нашего государственнаго законодательства представляется изслѣдователю въ самомъ сыромъ видѣ. Онъ разсѣянъ во множествѣ томовъ Свода Законовъ, но все-таки весь не собранъ въ Сводѣ. Онъ загроможденъ массою мелочныхъ подробностей, чисто техническихъ или имѣющихъ характеръ нравственныхъ сентенцій, въ значительной части къ тому же совершенно устарѣлыхъ. И въ этой массѣ частныхъ постановленій, неимѣющихъ никакого юридическаго значенія, приходится разыскивать разрозненныя и неполныя опредѣленія, представляющія дѣйствительно принципіальное значеніе. При казуистичности и неполнотѣ нашихъ административныхъ уставовъ, административная практика, особенно практика Сената, играетъ большую роль въ

практической постановкѣ управленія, а между тѣмъ она остается совершенно безгласной. При такихъ условіяхъ дать хотя бы только полное систематическое описаніе дѣйствующаго у насъ государственнаго права требуетъ уже огромнаго труда, кропотливой, упорной работы. Но образованный юристъ, а тѣмъ болѣе ученый изслѣдователь, не можетъ удовольствоваться однимъ только описаніемъ, однимъ пересказомъ законодательства. Научная обработка предполагаетъ освѣщеніе законодательнаго матеріала общими началами, выработанными теоріей. Иностранная политическая наука, правда, уже выработала эти начала. Но чтобы примѣнить выводы западныхъ теорій къ выясненію нашего законодательства, надо, чтобы нашъ законодательный матеріалъ получилъ хотя приблизительно такую-же внѣшнюю систематическую обработку, въ какой представляется намъ государственное право западныхъ державъ. Поэтому, когда А. Д. Градовскій приступилъ къ составленію своего курса русскаго государственнаго права, ему пришлось сразу дѣлать два дѣла: собрать и систематизировать законодательный матеріалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть въ этой массѣ казуистическихъ постановленій общія *начала* русскаго государственнаго права. Дюгамель, Андреевскій, Романовичъ-Славатинскій въ своемъ изложеніи дѣйствующаго права давали развѣ-что короткій перечень нашихъ учрежденій, и то далеко неполный. Можно сказать, что именно тѣ вопросы, которые представляютъ наибольшій практическій интересъ, и вмѣстѣ наибольшія трудности для разработки, остались въ ихъ трудахъ вовсе незатронутыми. Но А. Д. Градовскій, конечно, не могъ ихъ обойти. Онъ не могъ, вмѣсто научной системы, положить въ основу своего изложенія внѣшній порядокъ отдѣльныхъ томовъ Свода законовъ и, начавъ съ перваго, отложить разсмотрѣніе III и IX томовъ ad calendas graecas. Онъ не могъ построить систему своего курса на противоположеніи правительства и общества и дать изложеніе одного лишь ученія о правительствѣ, не могъ, потому что понять государственный строй страны возможно только

путемъ выясненія взаимной связи этихъ элементовъ. Въ первомъ же томѣ своего курса ему пришлось поэтому остановиться на двухъ совершенно незатронутыхъ предшествующей литературой вопросахъ: на выясненіи юридической формы нашего государственнаго строя и на научной обработкѣ нашихъ законовъ о правахъ состоянія. Во второмъ томѣ онъ точно также далъ первую и до сихъ поръ единственную обработку III тома.

„Начала русскаго государственнаго права" не только огромный трудъ, плодъ долгой, кропотливой работы,—это, можно сказать, великій подвигъ. Чтобы приняться за такое дѣло, нужна необыкновенная любовь и способность къ научной работѣ; чтобы успѣть въ немъ, нуженъ крупный, выдающійся талантъ. А успѣхъ оказался несомнѣнный. Авторъ не даромъ назвалъ свою книгу „Началами". Онъ дѣйствительно выясняетъ въ ней основныя начала русской государственной жизни, и каждый томъ его курса представляетъ собою какъ-бы живое цѣлое, объединенное одной общей идеей. Такъ, въ первомъ томѣ такой общей идеей является начало законности, во второмъ—понятіе должности, въ третьемъ—понятіе мѣстности, какъ органической части государства. Третій томъ остался къ сожалѣнію незаконченнымъ. Смерть слишкомъ безвременно унесла отъ насъ перваго дѣйствительно научнаго истолкователя началъ русскаго государственнаго права.

ХРОНИКА

РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

за 1889 годъ.

Истекшій годъ является годомъ обширной и быстрой законодательной дѣятельности, подарившей нашему отечеству громадную массу законодательныхъ актовъ разнообразнѣйшаго содержанія. Нѣкоторые изъ нихъ явились плодомъ долгихъ подготовительныхъ работъ; большинство, наоборотъ, поражаетъ быстротою своего созданія. Какой-либо общей, единой руководящей идеи въ этой массѣ законодательнаго матеріала мы не найдемъ. Рядъ чисто практическихъ, потребностями жизни вызванныхъ, распоряженій смѣшивается съ мѣрами, носящими на себѣ окраску самыхъ широкихъ, не ясно даже представляемыхъ, тенденцій; одинъ законодательный актъ продолжаетъ развитіе существующихъ установленій, въ духѣ ихъ первоначальнаго учрежденія, другой—совершенно совпадающій съ нимъ во времени—направляется на отмѣну тѣхъ же самыхъ установленій и т. п. Такъ, Судебные Уставы получили въ истекшемъ году одновременно и значительное расширеніе сферы своего дѣйствія (по закону 9 іюля) и сильнѣйшее ограниченіе (по закону 12 іюля) и т. д.

Постараемся сдѣлать краткій обзоръ всему движенію нашего законодательства за истекшій годъ. Законодательнымъ актамъ наибольшей важности, сверхъ того, будутъ посвящены отдѣльныя статьи въ „Юридической Лѣтописи“.

I.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ.

На первомъ планѣ по своему значенію, если не по количеству, стоятъ законы процессуальнаго характера. Введеніе судебно-мирового института въ Архангельской губерніи; прибалтійская судебная реформа; преобразованіе крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи; измѣненіе компетенціи суда присяжныхъ, въ смыслѣ ея сокращенія; новое расширеніе подсудности судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей—вотъ тѣ законодательныя мѣропріятія, которыми ярко отмѣчается 1889 годъ. За ними идетъ рядъ процессуальныхъ законовъ болѣе частнаго характера.

Что касается до закона 12 іюля о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи, то процессуальное значеніе вводимой этимъ законоположеніемъ реформы можетъ быть выяснено въ полнотѣ лишь тогда, когда будутъ утверждены правила о судопроизводствѣ вновь созидаемыхъ установленій: земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ, губернскихъ присутствій и уѣзднаго члена окружного суда. Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду важности всей предстоящей реформы, ей будетъ посвящена своевременно отдѣльная статья.

Закономъ 12 декабря 1888 года (С. У. 1889 г., 2) введенъ **судебно-мировой институтъ въ Архангельской** губерніи съ нѣкоторыми особенностями, сближающими его отчасти съ мировыми судьями Закавказья. Такъ, подсудность опредѣляется тѣми-же началами, что и въ Закавказьѣ; затѣмъ, на мировыхъ судей Архангельской губерніи, назначаемыхъ также отъ правительства, возлагается также производство слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ, въ первой степени суда, Архангельской Палатѣ, но при этомъ они должны руководствоваться не Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, а правилами законовъ о судопро-

изводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (Т. XV, ч. 2 Свод. Зак., изд. 1876 г.); должность же судебныхъ слѣдователей, съ введеніемъ мировыхъ судебныхъ установленій въ Архангельской губерніи, упраздняется. Вторую инстанцію для жалобъ на рѣшенія и приговоры мировыхъ судей представляетъ собою Палата Гражданскаго и Уголовнаго Суда на правахъ Мирового Съѣзда, со включеніемъ въ составъ ея присутствія мировыхъ судей города Архангельска и его уѣзда, а также добавочныхъ судей. Въ самомъ порядкѣ судопроизводства допущены нѣкоторыя отступленія отъ общихъ правилъ, объясняемыя дальностью разстояній, неудобствомъ путей сообщенія и другими мѣстными условіями. Къ такимъ отступленіямъ принадлежатъ, между прочимъ, правила о томъ, что всякаго рода бумаги по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, могутъ быть пересылаемы по почтѣ; что къ числу законныхъ причинъ неявки свидѣтелей принадлежитъ также жительство ихъ далѣе двухсотъ верстъ отъ мѣста, въ которое они вызываются, и нѣкоторыя другія.

Положеніе о **преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ** 9 іюля (С. У. 675) завершаетъ собою долгія работы многихъ лѣтъ, начавшіяся еще въ 1866 году и направленныя къ введенію Судебныхъ Уставовъ въ этой нашей окраинѣ. Какъ извѣстно, реформа эта, давно рѣшенная въ принципѣ, постоянно откладывалась; 1889 году принадлежитъ честь ея совершенія. Судебная организація прибалтійскихъ губерній представляла собою остатки историческихъ наслоеній. Общій рѣзко выраженный характеръ дореформеннаго прибалтійскаго процесса заключался въ сословномъ устройствѣ суда съ преобладаніемъ дворянства надъ прочими сословіями. Судебная реформа замѣняетъ этотъ строй судовъ устройствомъ цѣльнымъ и не носящимъ сословнаго характера. Въ этомъ ея неотъемлемая, громадная заслуга. Ближайшее обозрѣніе реформы читатель найдетъ въ помѣщенной выше статьѣ В. Я. Фукса.

Одновременно съ этимъ Положеніемъ удостоены Высочайшаго утвержденія и нѣкоторыя частныя процессуальныя измѣненія (С. У. 674), изъ которыхъ важнѣйшимъ представляются правила объ **обезпеченіи доказательствъ** при производствѣ гражданскихъ дѣлъ, введенныя въ дополненіе статей 29, 82 и 369 Устава Гражданскаго Судопроизводства.

Однимъ изъ весьма важныхъ процессуальныхъ законовъ прошлаго года является законъ 7 іюля объ измѣненіи порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, подлежавшимъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (С. У. 644). Сущность этого закона сводится къ слѣдующему. **Компетенція суда присяжныхъ** съужена въ двухъ направленіяхъ путемъ расширенія компетенціи, съ одной стороны, окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, а съ другой—особыхъ присутствій судебныхъ палатъ и правительствующаго сената съ участіемъ **сословныхъ представителей.**

Къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей отнесены всѣ дѣла, влекущія за собою лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (201, 544 и 545 ст. уст. угол. суд.). До закона 7 іюля, дѣла эти, какъ извѣстно, вѣдались судомъ присяжныхъ. Если обратиться къ уложенію о наказаніяхъ, то окажется, что дѣла эти въ большинствѣ составляютъ второстепенныя нарушенія. Таковы, напримѣръ, менѣе важные проступки противъ тѣлесной неприкосновенности (ст. 1464, ст. 1465 ч. 1, ст. 1476, 1518 и 1533), противъ женской чести (ст. 1530 ч. 3 и 1531) и т. д. По дѣламъ этого рода постоянно замѣчалось на практикѣ значительное господство оправдательныхъ вердиктовъ, вызывавшихся обыкновенно опасеніемъ, что подсудимый за незначительное правонарушеніе подвергнется слишкомъ строгому наказанію. Это обстоятельство послужило главнымъ основаніемъ реформы въ этой ея части.

Другое ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ про-

изведено изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія различныхъ преступленій противъ порядка управленія, преступленій должностныхъ, банковскихъ злоупотребленій, преступленій противъ имущества и доходовъ казны, нарушеній правилъ, установленныхъ для охраненія безопасности движенія по желѣзнымъ дорогамъ, дѣлъ о многобрачіи и нарушеній устава торговаго мореплаванія (263—272, 274, 276, 282, 286[1], 304, 315, 618, 633, 755, 756, 803, 823, 824, 830[1], 1083, 1085, 1143, 1144, 1154 — 1156, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262 и 1554 ст. улож. о нак.). Всѣ эти изъятія постатейно исчислены въ новомъ законѣ. Они отошли въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Въ отношеніи собственно **преступленій по должности** остаются подсудными окружному суду дѣла, не влекущія за собою лишенія правъ, по коимъ обвиняются чины всѣхъ вѣдомствъ—до девятаго класса включительно, чины канцелярій судебныхъ мѣстъ, канцелярскіе служители всѣхъ вѣдомствъ, волостныя и сельскія должностныя лица, наконецъ нижніе полицейскіе чины. Затѣмъ, суду палаты предаются за преступленія по должности: чины губернскихъ государственныхъ учрежденій и выборныя лица, занимающія должности отъ восьмого до пятаго класса включительно, предсѣдатели и члены уѣздныхъ земскихъ управъ и собраній, городскіе головы и члены управъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, должностныя преступленія этихъ лицъ разсматриваются судебною палатою съ участіемъ сословныхъ представителей. Равнымъ образомъ, должностныя преступленія всѣхъ указанныхъ выше лицъ, подсудныхъ окружному суду, подлежатъ разсмотрѣнію судебной палаты съ сословными представителями въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и пре-

имуществъ. Должностныя преступленія, подлежавшія разсмотрѣнію Правительствующаго Сената съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, будутъ разсматриваться Сенатомъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Приговоры, постановленные съ участіемъ этихъ послѣднихъ, признаются окончательными. Особыя присутствія судебныхъ палатъ составляются изъ предсѣдателя и 3 членовъ уголовнаго департамента палаты, губернскаго предводителя дворянства, городскаго головы и одного изъ волостныхъ старшинъ мѣстнаго уѣзда.

Чтобы судить объ этой формѣ суда съ участіемъ сословныхъ представителей, необходимо имѣть въ виду, что форма эта у насъ не новая, и что степень пригодности ея уже испытана практикой. Не лишнимъ будетъ сдѣлать по этому предмету небольшую историческую справку.

При составленіи Судебныхъ Уставовъ сословные представители были допущены къ участію въ разрѣшеніи дѣлъ только о государственныхъ преступленіяхъ въ виду того, „чтобы вмѣстѣ съ судьями въ охраненіи государственныхъ учрежденій и общаго спокойствія и въ огражденіи подсудимыхъ участвовали представители какъ правительственной власти, такъ и всѣхъ сословій“. Отъ присяжныхъ же засѣдателей составители уставовъ не ожидали по этимъ дѣламъ „безошибочныхъ приговоровъ“ [1]).

Закономъ 9 мая 1878 года, юрисдикція особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей была впервые распространена въ видѣ временной мѣры на общія преступленія. Къ ихъ вѣдѣнію были отнесены: 1) дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ главахъ первой, второй и пятой раздѣла IV улож. о наказаніяхъ, когда они влекутъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, равно какъ и дѣла объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, нанесеніи имъ ранъ или увѣчій

[1]) Судебные Уставы, изд. Госуд. канцеляріи, ч. 2, стр. 392.

и другихъ насильственныхъ дѣйствій, или же объ угрозахъ имъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, либо вслѣдствіе исполненія этихъ обязанностей, если преступленія эти влекутъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія; 2) дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 395 ст. улож. о наказаніяхъ. Примѣненіе этого процессуальнаго закона дало результаты плачевные. Оказалось, что судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей требуютъ значительныхъ расходовъ на выѣзды и на вознагражденіе свидѣтелей и свѣдущихъ людей, вызывавшихся обыкновенно издалека. Къ тому же сложный порядокъ производства въ этихъ присутствіяхъ (занесеніе въ протоколъ засѣданія существа свидѣтельскихъ показаній и мотивировка фактическими данными приговоровъ), въ связи съ значительнымъ количествомъ дѣлъ, вызвали большую медленность въ разборѣ ихъ, а самые приговоры судебныхъ палатъ вовсе не свидѣтельствовали объ уменьшеніи количества оправдательныхъ приговоровъ, что было главною цѣлью закона 9 мая 1878 года. Въ виду этого, 11 мая 1882 года, объемъ дѣлъ, отнесенныхъ къ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, былъ значительно уменьшенъ, и была возстановлена прежняя подсудность присяжныхъ засѣдателей по многимъ преступленіямъ противъ порядка управленія.

Въ настоящее время законъ 7 іюля не только возвратился къ закону 9 мая 1878 года, но пошелъ значительно дальше, подчинивъ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей массу самыхъ разнородныхъ дѣлъ. Какіе плоды дастъ этотъ законъ, не трудно угадать. Практика закона 9 мая 1878 года еще достаточно свѣжа въ памяти всѣхъ. Интересно отмѣтить, что министерство юстиціи предполагало, въ интересахъ приближенія суда къ мѣстному населенію и достиженія возможно большей быстроты въ рѣшеніи дѣлъ, образовать особыя присутствія съ сословными представителями въ

окружныхъ судахъ. Предположеніе это Государственнымъ Совѣтомъ принято однако не было.

Новый законъ весьма не опредѣлителенъ по своему содержанію. Съ первыхъ же шаговъ практика примѣненія этого закона выставила весьма важный вопросъ: требуется ли по дѣламъ, отнесеннымъ къ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, обрядъ **преданія суду** или нѣтъ. Вопросъ этотъ возбудился вслѣдствіе того, что по законамъ 9 мая 1878 года и 11 мая 1882 года преданіе суду по дѣламъ, вносившимся въ судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, производилось обвинительными актами прокурорскаго надзора. Въ новомъ же законѣ по этому предмету не содержится никакихъ указаній. Вопросъ этотъ уже вызвалъ циркулярное разъясненіе министра юстиціи, отъ 20 сентября 1889 года за № 24492, въ томъ смыслѣ, что обрядъ преданія суду по дѣламъ, подвѣдомственнымъ судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей, долженъ имѣть мѣсто.

Другой вопросъ, возбудившійся при примѣненіи закона 7 іюля, заключается въ томъ, какой судебной инстанціей (окружнымъ ли судомъ или судебной палатой) совершаемо будетъ **прекращеніе дѣлъ**, подсудныхъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Закономъ этимъ удержана 523 ст. у. уг. суд., гласящая, что прокуроръ предлагаетъ заключеніе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія окружному суду. Не измѣнена имъ и 277 ст. у. уг. суд., по которой прекращеніе слѣдствій возложено на окружные суды. Между тѣмъ окружные суды едва ли могутъ быть признаны компетентными въ дѣлѣ прекращенія слѣдствія по упомянутымъ выше дѣламъ. Нормальной судебной инстанціей для этихъ дѣлъ признается судебная палата, слѣдовательно и прекращеніе преслѣдованія можетъ быть произведена только ею. Этотъ выводъ подкрѣпляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что по разъясненіямъ сената (рѣш. угол. кас. деп. 1867 г. № 140, 1868 г. № 380 и общ. собр. касс. департ. 1874 г. № 43) по

дѣламъ подсуднымъ судебной палатѣ въ качествѣ суда 1-ой инстанціи жалобы на слѣдственныя дѣйствія приносятся не окружному суду, а той же судебной палатѣ, слѣдовательно, по такимъ дѣламъ окружной судъ устраняется даже отъ надзора за предварительнымъ слѣдствіемъ.

Третья детальная неудовлетворительность новаго закона заключается въ томъ, что имъ, при постатейномъ исчисленіи изъятій изъ компетенціи суда присяжныхъ, допущены нѣкоторые явные недосмотры. Такъ, напримѣръ, изъята 1554 статья улож. о нак. о **многобрачіи**, карающая вступившаго въ новый бракъ при существованіи прежняго, но при этомъ не включена слѣдующая 1555 статья, карающая другого, не обязаннаго бракомъ, супруга, завѣдомо вступившаго въ бракъ съ лицомъ, уже состоящимъ въ бракѣ. Отсюда на практикѣ получается такой курьезъ: многобрачникъ будетъ судиться въ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, а его соучастникъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Или напримѣръ, при отнесеніи къ компетенціи судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей **банковскихъ хищеній** указаны только 1154—1156 статьи уложенія, между тѣмъ, въ статьѣ 1198 уложенія о наказаніяхъ, оставшейся въ вѣдѣніи присяжныхъ засѣдателей, предусмотрѣны злоупотребленія членовъ частныхъ обществъ, товариществъ или компаній, такъ что крахъ банка, основаннаго на началахъ товарищества, будетъ по прежнему разсматриваться присяжными засѣдателями.

Законъ 10 января (С. У. 117) измѣнилъ 1009 статью устава уголовнаго судопроизводства. Какъ извѣстно, статья эта устанавливала для **преступленій противъ православной вѣры** спеціальное жюри изъ лицъ православнаго исповѣданія. Мотивомъ этого служило, говоря словами составителей Судебныхъ Уставовъ, то соображеніе, „что правильное сужденіе о свойствѣ преступленія противъ вѣры и степени виновности въ ономъ подсудимаго, какъ оскорбителя святыни, во многомъ зависитъ отъ религіозныхъ по-

нятій и убѣжденій, какими проникнутъ судья: то, что̀, по понятію, напримѣръ, протестанта, не заключаетъ въ себѣ оскорбленія святыни, въ сущности можетъ быть весьма важнымъ преступленіемъ противъ вѣры православной" [1]).

Соображеніе это, справедливость и цѣлесообразность котораго стоятъ внѣ спора, въ законѣ 10 января 1889 года получило еще бо̀льшее развитіе. По преступленіямъ не только противъ православной вѣры, но и „**противъ церковныхъ установленій**" по новому закону требуется указанное специальное жюри. Кромѣ того, по дѣламъ этого рода, судьи и чины прокурорскаго надзора тоже должны быть изъ лицъ православнаго исповѣданія. Законъ этотъ не упоминаетъ, однако, о **судебныхъ слѣдователяхъ**. Вопросъ объ этихъ послѣднихъ былъ предрѣшенъ нѣсколько ранѣе появленія новаго закона циркулярнымъ распоряженіемъ министра юстиціи на имя прокуроровъ судебныхъ палатъ отъ 22 сентября 1888 года за № 23683 (№ 282 Сборн. циркуляровъ) о томъ, чтобы слѣдствія по дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры по возможности не производились лицами иновѣрныхъ исповѣданій и чтобы, для этой цѣли, при самомъ возникновеніи подобныхъ дѣлъ въ участкѣ судебнаго слѣдователя, оказывающагося лицомъ неправославнаго исповѣданія, производство слѣдствій было передаваемо судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, если послѣдній является православнымъ, и если къ возложенію на него слѣдствія по такому дѣлу въ данномъ случаѣ не встрѣчается какихъ либо особенно существенныхъ препятствій. Такимъ образомъ, циркуляръ министра юстиціи выражаетъ лишь желаніе избѣгать по возможности производства слѣдствій по дѣламъ противъ православной вѣры слѣдователями иновѣрныхъ исповѣданій. Нельзя не замѣтить, что всякое изъятіе дѣла отъ участковаго судебнаго слѣдователя неизбѣжно ведетъ къ промедленію въ производствѣ слѣдствія, что̀ можетъ сильно повредить

[1]) Судебные уставы, изд. Государственной Канцеляріи, ч. 2, стр. 371.

успѣшному раскрытію преступленія и его виновниковъ. Вѣроятно, во избѣжаніе этихъ затрудненій, законъ 10 января не упомянулъ о судебныхъ слѣдователяхъ.

Созданный закономъ 10 января новый текстъ 1009 статьи уст. уг. суд., можетъ, однако, порождать на практикѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Во-первыхъ, въ немъ не сказано: противъ *православныхъ* церковныхъ установленій, хотя это слово, конечно, предполагается вообще содержаніемъ и смысломъ 1009 статьи. Во-вторыхъ, дополненіе текста 1009 статьи, расширяя кругъ тѣхъ преступленій, по которымъ требуется спеціальный составъ суда, не даетъ, однако, точнаго опредѣленія того, какія же именно преступленія подходятъ подъ ея дѣйствіе. При существованіи 1009 ст. уст. угол. суд., въ прежней редакціи, практикой Сената было установлено, что подъ ея дѣйствіе не подходятъ дѣла о **похищеніи денегъ изъ церкви** (рѣш. угол. кас. деп. 1873 года № 332). Спрашивается, какъ быть съ дѣлами этого рода послѣ закона 10 января. Если похищены деньги, принадлежащія церкви, то лицомъ потерпѣвшимъ явится церковь, то есть другими словами, церковное установленіе. По буквѣ новаго закона, подобныя дѣла должны подчиняться дѣйствію 1009 статьи. Едва ли это, однако, было бы согласно съ ratio legis. Кража церковныхъ денегъ изъ церкви есть преступленіе имущественное, и принадлежность имущества церкви можетъ лишь отягчать наказуемость, не измѣняя внутренней природы преступленія. Поэтому, такія преступленія не могутъ быть поставляемы наряду съ спеціальными преступленіями противъ церкви, какъ извѣстнаго единенія людей, охраняемаго государствомъ.

Высочайшимъ указомъ 15 февраля 1889 года (С. У. 136) опредѣленъ порядокъ **отвѣтственности членовъ Государственнаго Совѣта, министровъ и главноуправляющихъ** отдѣльными частями. Уголовное преслѣдованіе противъ этихъ высшихъ чиновъ управленія по существовавшимъ въ Судебныхъ Уставахъ правиламъ (1076, 1097 и 1112

ст. уст. уг. суд.) возбуждалось по Высочайшему повелѣнію, причемъ предварительное слѣдствіе возлагалось на одного изъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената подъ наблюденіемъ министра юстиціи. Преданіе суду Верховнаго уголовнаго суда производилось на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта. Новый законъ нѣсколько точнѣе опредѣлилъ этотъ порядокъ, не измѣняя его въ существѣ, а именно: жалобы или донесенія на высшихъ чиновъ управленія представляются на усмотрѣніе Государя Императора. Въ случаѣ признанія ихъ заслуживающими разсмотрѣнія, они поступаютъ въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, имѣющій разсмотрѣть ихъ въ составѣ не менѣе семи своихъ членовъ и постановить о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Еслибы оказалось нужнымъ производство предварительнаго слѣдствія, то оно поручается Верховною властью одному изъ сенаторовъ кассаціоннаго департамента, причемъ прокурорскія обязанности возлагаются на министра юстиціи. Результаты слѣдствія съ его заключеніемъ передаются вновь въ департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Постановленіе этого послѣдняго представляется на усмотрѣніе Верховной власти. Въ случаѣ преданія суду, дѣло поступаетъ въ Верховный уголовный судъ, составъ котораго увеличенъ новымъ закономъ на одного члена изъ первоприсутствующихъ сенаторовъ.

Высочайше утвержденнымъ 17 августа 1886 года положеніемъ Военнаго Совѣта (С. У. 1889 г., 353) было опредѣлено ввести въ омскомъ военномъ округѣ **военно-судебную реформу**. Реформа эта введена лишь въ прошломъ году, съ 1 сентября, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 1 апрѣля. Затѣмъ, 25 апрѣля состоялось Высочайше утвержденное положеніе о порядкѣ примѣненія и введенія въ дѣйствіе съ 1 октября 1889 года военно-судебнаго устава въ войскахъ Иркутскаго и Приамурскаго военныхъ округовъ, согласно положенію 13 но-

ября 1887 года (С. У. 1889 г., 570). Такимъ образомъ, въ истекшемъ году, въ Сибири произошло фактическое осуществленіе военно-судебной реформы. Важность и значеніе ея говорятъ достаточно сами за себя.

Законъ 4 мая 1889 года (С. У. 536) ввелъ нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ о порядкѣ производства дѣлъ и о взысканіяхъ за **нарушенія акцизныхъ уставовъ.** Закономъ этимъ въ значительной степени уменьшены наказанія за цѣлый рядъ нарушеній питейнаго устава (безпатентная торговля, торговля по чужому, или просроченному патенту и т. д.), которыя вслѣдствіе этого отошли изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, введены существенныя измѣненія въ порядкѣ административнаго разрѣшенія дѣлъ (см. ниже).

Закономъ 8 іюня 1889 года (С. У. 781) упразднены общія присутствія городскихъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій (см. объ этомъ ниже). За упраздненіемъ этихъ присутственныхъ мѣстъ, вѣдавшихъ тамъ, гдѣ Судебные Уставы еще не введены въ полномъ объемѣ, дѣла по **безспорнымъ взысканіямъ**, эти дѣла, на всякую сумму, возлагаются нынѣ въ означенныхъ мѣстностяхъ (то есть, гдѣ мировыя судебныя установленія дѣйствуютъ отдѣльно отъ общихъ) на мировыя судебныя установленія, обязанныя при производствѣ ихъ руководствоваться правилами 2 части X тома; но самое исполненіе опредѣленій мировыхъ судебныхъ установленій по дѣламъ о безспорныхъ взысканіяхъ производится уже по правиламъ Устава Гражданскаго Судопроизводства. Этимъ сдѣланъ новый шагъ на пути объединенія дореформеннаго порядка судопроизводства съ новымъ на началахъ Судебныхъ Уставовъ.

На ряду съ мѣрами правительства, клонящимися къ распространенію района дѣйствія судебныхъ уставовъ приходится отмѣтить и мѣропріятіе, правда временное, но имѣющее противоположный характеръ. Таково послѣдовавшее 11 октября 1889 года по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи Высочайшее повелѣніе о **пріостановленіи, временно,**

открытія отдѣленій совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (С. У. 990). Этою мѣрою парализуется примѣненіе статьи 366 Учр. Суд. Уст., по которой отдѣленія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть открываемы, съ разрѣшенія совѣта, въ томъ городѣ, гдѣ нѣтъ судебной палаты, но гдѣ имѣютъ мѣсто жительства болѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ.

Однимъ изъ послѣднихъ по времени мѣропріятіемъ правительства въ области процессуальнаго права является Высочайшее повелѣніе 8 ноября (С. У. 1031) о томъ, чтобы принятіе въ число **присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій** допускалось, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, не иначе какъ съ разрѣшенія министра юстиціи.

Въ заключеніе укажемъ одно министерское распоряженіе, имѣющее чрезвычайно важное практическое значеніе: это утвержденныя министромъ юстиціи, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, новыя правила о порядкѣ **пріема и расходованія денежныхъ суммъ, поступающихъ въ мировыя и гминныя** судебныя установленія, а равно о счетоводствѣ и отчетности по этимъ суммамъ (С. У. 343). Эти правила представляютъ собою коренную переработку и сведеніе во едино дѣйствовавшихъ доселѣ постановленій по означенному предмету. Въ нихъ сосредоточены правила, относящіяся не только къ мировымъ и гминнымъ судебнымъ установленіямъ, но и къ состоящимъ при нихъ судебнымъ приставамъ. Въ видѣ приложенія къ нимъ помѣщена табель государственныхъ доходовъ, поступающихъ по дѣламъ мировыхъ и гминныхъ судебныхъ установленій и судебныхъ при нихъ приставовъ, а такъ же и образцы книгъ: денежной, книги марокъ и книги депозитовъ.

II.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Среди узаконеній, касающихся гражданскаго права, прежде всего слѣдуетъ остановиться на Высочайше утвержденномъ 26 іюня мнѣніи Государственнаго Совѣта: „объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно обезпеченія силы налагаемыхъ на вотчинниковъ **ограниченій въ правѣ распоряженія недвижимыми имуществами**“ (С. У. 692). Заглавіемъ этимъ не вполнѣ точно передается содержаніе закона, который касается въ дѣйствительности трехъ предметовъ: 1) имъ измѣняются существовавшія доселѣ правила о порядкѣ наложенія и снятія запрещеній на недвижимыя имущества; 2) вводятся нѣкоторыя перемѣны въ порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не дѣйствуетъ еще положеніе о нотаріальной части; 3) устанавливаются новыя правила объ оглашеніи и регистраціи ограниченія правоспособности лицъ совершеннолѣтнихъ. Проектъ этого закона разработанъ Редакціонной Коммисіей по составленію новаго гражданскаго уложенія и представляетъ собою одну изъ подготовительныхъ мѣръ къ введенію у насъ **ипотечной системы** согласно главнымъ основаніямъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія еще въ 1881 году. По этимъ началамъ, существенною принадлежностью будущаго порядка установленія правъ на недвижимости должно быть внесеніе въ ипотечную книгу всѣхъ числящихся на записанномъ въ нее имѣніи запрещеній и вмѣстѣ съ тѣмъ допущеніе обезпеченія обязательствъ лишь опредѣленнымъ имуществомъ. Сообразно этому, **общія запрещенія** безъ указанія на опредѣленное имѣніе должника, закономъ 26 іюня вовсе отмѣняются. Существованіе этихъ запрещеній служило бы серьезнымъ препятствіемъ къ введенію ипотечной системы, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы въ ипотечную книгу записывать по каждому отдѣльному имуществу долж-

ника весь обезпеченный общимъ запрещеніемъ долгъ въ полной суммѣ, а это сильно, и при томъ безъ всякой надобности, затруднило бы возможность продажи и залога такихъ имѣній и повело бы къ ослабленію земельнаго кредита, т.-е. къ цѣли, совершенно противоположной той, къ которой стремится законодатель, вводя ипотечную систему. Естественно поэтому, что отмѣна наложенія общихъ запрещеній на будущее время и снятіе уже существующихъ представились мѣрой неизбѣжной въ виду предстоящей ипотечной реформы. Въ зависимости отъ условій записки всѣхъ переходовъ и ограниченій правъ на недвижимыя имущества находятся далѣе и постановленія закона 26-го іюня объ измѣненіи порядка оглашенія о запрещеніяхъ: публикаціи о нихъ въ Сенатскихъ Объявленіяхъ отмѣняются, и всѣ свѣдѣнія о запрещеніяхъ на имѣніяхъ извѣстнаго города или уѣзда сосредоточиваются отнынѣ въ особой для этихъ мѣстностей книгѣ или реестрѣ, который должны вести старшіе нотаріусы и установленія крѣпостныхъ дѣлъ стараго устройства. Соотвѣтственно этому, измѣняется и порядокъ совершенія крѣпостныхъ актовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе Положеніе о нотаріальной части, въ томъ смыслѣ, что и на эти мѣстности распространено общее начало нотаріальнаго положенія о совершеніи актовъ на недвижимости исключительно по мѣсту ихъ нахожденія. Необходимость составленія мѣстныхъ сборниковъ о запрещеніяхъ, уже существующихъ, вызвала постановленіе закона 26 іюня объ образованіи при министерствѣ юстиціи особой коммисіи, которая должна для этого пересмотрѣть по Сенатскимъ Объявленіямъ всѣ оставшіяся неснятыми къ извѣстному, опредѣленному министромъ юстиціи сроку, запрещенія и распредѣлить ихъ по городамъ и уѣздамъ. Послѣдній отдѣлъ закона 26 іюня, измѣняющій правила объ оглашеніи ограниченій въ правоспособности, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отмѣны наложенія общихъ запрещеній. По дѣйствовавшему до сихъ поръ закону, въ случаѣ учрежденія опеки вслѣдствіе расточитель-

ности (Т. XIV Уст. Пред. Прест., ст. 182, прим. 2, прил. I: ст. 183) на имѣніе налагается запрещеніе, причемъ въ случаѣ неизвѣстности всѣхъ имѣній расточителя, можно было наложить и общее запрещеніе. О таковыхъ запрещеніяхъ публиковалось въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, и это былъ единственный путь для оглашенія объ ограниченіи дѣеспособности расточителя, равно какъ и лицъ, впавшихъ въ несостоятельность, о чемъ также публиковалось въ Сенатскихъ Объявленіяхъ. Поэтому съ отмѣною наложенія общихъ запрещеній и съ введеніемъ системы мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, этотъ способъ оглашенія ограниченій право- и дѣеспособности, нынѣ единственный, долженъ былъ уступить мѣсто иному способу. Сохраняя публикаціи въ Сенатскихъ Объявленіяхъ о всѣхъ случаяхъ учрежденія опеки или попечительства, и признанія несостоятельнымъ, законъ 26 іюня вводитъ слѣдующій порядокъ: старшіе нотаріусы, крѣпостныя установленія прежняго устройства и всѣ нотаріусы должны вести у себя алфавитный указатель всѣхъ лицъ, подвергшихся ограниченію правоспособности, и предъявлять этотъ указатель для обозрѣнія каждому, кто будетъ имѣть въ томъ надобность. Замѣтимъ, что этотъ порядокъ представляетъ собою лишь распространеніе на всю Имперію дѣйствующаго уже въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленія объ обязанности нотаріусовъ вести списокъ всѣхъ лицъ, признанныхъ состоящими подъ законнымъ прещеніемъ, а также лицъ, дѣеспособность которыхъ ограничена посредствомъ назначенія судебнаго совѣтника, причемъ вывѣшивать этотъ списокъ на видномъ мѣстѣ (пол. Нотар., ст. 228, п. б.).

Закономъ 12 декабря 1888 года (С. У. 1889 г., 2) **положеніе о нотаріальной части** введено въ Архангельской губерніи, съ соблюденіемъ, впредь до окончательнаго введенія тамъ судебныхъ уставовъ въ полномъ объемѣ, нѣкоторыхъ временныхъ правилъ. Сущность послѣднихъ сводится къ тому, что обязанности нотаріусовъ возлагаются на мировыхъ судей въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нотаріусовъ не бу-

детъ; что нотаріальный архивъ состоитъ при Архангельской Палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда, на одного изъ членовъ которой возлагаются, по постановленію Палаты, и обязанности старшаго нотаріуса; что права и обязанности по нотаріальной части, принадлежащія по общему правилу окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ, предоставлены Архангельской палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда и С.-Петербургской Судебной Палатѣ, и наконецъ, что вопреки общему закону (ст. 163 Нотар. Пол.) выписи изъ актовъ, подлежащихъ утвержденію старшаго нотаріуса, могутъ быть пересылаемы по назначенію нотаріусами и заступающими ихъ мѣсто мировыми судьями по почтѣ. Независимо отъ этого, упраздненіе уѣздныхъ судовъ въ Архангельской губерніи за введеніемъ тамъ судебно-мирового института повлекло за собою нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ **опекунской части**: обязанности бывшихъ уѣздныхъ судовъ по завѣдыванію опекунскими дѣлами перешли къ особому въ гор. Архангельскѣ губернскому присутствію по опекунскимъ дѣламъ, образуемому, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Архангельской Палаты по ея избранію, изъ одного мирового судьи, также по избранію палаты и одного члена по назначенію губернатора; равнымъ образомъ и вновь учрежденные мировые судьи обязаны исполнять порученія этого присутствія по надзору за пріемомъ дворянскихъ имуществъ въ опекунское завѣдываніе и за сдачею оныхъ, въ случаѣ прекращенія опекунствъ, а также и порученія по обревизованію опекунствъ и повѣркѣ дѣйствій опекуновъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть о законѣ 10 января 1889 года (С. У. 277), которымъ положеніе о нотаріальной части примѣнено къ Туркестанскому краю, точно также съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно особенностямъ въ организаціи мѣстныхъ учрежденій.

Въ отношеніи правъ **проживающихъ въ Россіи иностранцевъ** въ 1889 году обнародовано три узаконенія: 1) именной Высочайшій указъ 24 декабря 1888 года о примѣ-

неніи къ иностранцамъ **горнопромышленникамъ** Царства Польскаго Высочайшаго Указа 14 марта 1887 г. (С. У. 1889 г., 11); 2) Высочайше утвержденное 6 марта 1889 года мнѣніе Государственнаго Совѣта о взиманіи **пошлинъ съ наслѣдствъ,** открывающихся въ Россіи послѣ иностранныхъ подданныхъ (С. У. 309), и 3) Высочайше утвержденное того же числа мнѣніе Государственнаго Совѣта о правахъ генералъ-губернатора Туркестанскаго края по **принятію въ русское подданство** иностранцевъ изъ подданныхъ среднеазіатскихъ ханствъ (С. У. 363).

Первымъ изъ этихъ узаконеній вводится новое ограниченіе для иностранцевъ, проживающихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, относительно правъ на разработку ископаемыхъ, а именно, дальнѣйшій отводъ площадей для добычи ископаемыхъ допускается уже только въ предѣлахъ принадлежащихъ иностранцамъ имѣній, безъ предоставленія имъ права занимать какіе-либо участки смежныхъ владѣльцевъ; отводъ же иностранцамъ, какъ частнымъ лицамъ, такъ и иностраннымъ компаніямъ и товариществамъ новыхъ для той же цѣли площадей въ предѣлахъ земель, имъ непринадлежащихъ, впредь вовсе не производится, хотя бы объ отчужденіи подобныхъ земель послѣдовало уже ранѣе добровольное соглашеніе съ владѣльцами оныхъ. Тѣмъ же закономъ предоставлено иностранцамъ-горнопромышленникамъ Царства Польскаго, сдѣлавшимъ заявки или открытія ископаемыхъ до изданія указа 14 марта 1887 года, передать по нотаріальнымъ актамъ свои права на таковыя заявки и открытія русскимъ подданнымъ, причемъ послѣдніе пріобрѣтаютъ право на полученіе отводныхъ площадей по тѣмъ заявкамъ и на основаніи тѣхъ открытій.

Второй изъ упомянутыхъ законовъ имѣетъ цѣлью обложить пошлиной всѣ открывающіяся въ Россіи наслѣдства послѣ иностранцевъ, тогда какъ до сихъ поръ этой пошлинѣ не подлежали, по началамъ взаимства, имущества, оставшіяся послѣ подданныхъ такихъ государствъ, въ которыхъ не взимается налога съ наслѣдствъ, остающихся

послѣ русскимъ подданнымъ. Въ этомъ смыслѣ измѣнена редакція статьи 20 положенія о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами (Уст. Пошл. ст. 363, прим. 2, прил. I, по Прод. 1886 г.). По новой редакціи этой статьи, пошлины съ наслѣдства послѣ умершихъ въ Россіи иностранцевъ взимаются на тѣхъ же основаніяхъ какъ и съ имуществъ, остающихся послѣ русскихъ подданныхъ. При этомъ, когда, согласно существующимъ конвенціямъ, наслѣдственное движимое имущество подлежитъ передачѣ въ распоряженіе дипломатическаго или консульскаго агента того государства, въ подданствѣ коего состоялъ умершій, пошлина съ такого имущества уплачивается при сей передачѣ.

Если оба предыдущихъ закона можно охарактеризовать какъ мѣры правительства, направленныя къ ограниченію правъ иностранцевъ, то, наоборотъ, законъ 6 марта 1889 года о правахъ Туркестанскаго генералъ-губернатора по принятію въ русское подданство подданныхъ среднеазіатскихъ ханствъ устанавливаетъ для иностранцевъ этой категоріи болѣе льготныя правила, чѣмъ тѣ, которыя изложены въ общемъ законѣ (Т. IX Зак. Сост.) по предмету принятія въ русское подданство иностранцевъ вообще. По закону 6 марта, разрѣшеніе на вступленіе въ подданство среднеазіатскихъ ханствъ даетъ Туркестанскій генералъ-губернаторъ, а не министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ это слѣдовало бы по общему закону (ст. 1020 Зак. Сост.); при этомъ генералъ-губернатору предоставлено не стѣсняться соблюденіемъ тѣхъ изъ указанныхъ въ Законахъ о Состояніяхъ (ст. 1018 и 1019) условій, которыя онъ признаетъ непримѣнимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Условія же эти заключаются въ требованіи отъ вступающихъ въ наше подданство иностранцевъ представленія какъ актовъ состоянія и свидѣтельствъ о предшествующемъ водвореніи въ Россіи, такъ и удостовѣренія въ отбытіи воинской повинности или освобожденіи отъ нея, для подданныхъ тѣхъ

державъ, съ которыми у насъ заключены картели о выдачѣ лицъ, подлежащихъ конскрипціи.

Чтобы покончить обзоръ узаконеній, относящихся къ правамъ иностранцевъ, слѣдуетъ отмѣтить еще, что 9 мая истекшаго года ратификована Государемъ Императоромъ **конвенція о наслѣдствахъ**, заключенная нашимъ правительствомъ съ Швеціей и Норвегіей (С. У. 689).

Таковы наиболѣе важныя законодательныя мѣропріятія за истекшій годъ въ сферѣ гражданскаго права. Изъ второстепенныхъ, такъ сказать, узаконеній, относящихся къ той же области, необходимо указать два, изъ коихъ однимъ вводится частное измѣненіе въ Положеніе о **казенныхъ подрядахъ** и поставкахъ (Т. X, ч. 1 Свод. Зак., изд. 1887 г.), а другимъ дополняется одна изъ статей **Нотаріальнаго Положенія**. Согласно первому закону, удостоенному Высочайшаго утвержденія 12-го декабря 1888 года (С. У. 1889 г., 137) войсковымъ начальствамъ казачьихъ войскъ предоставляется, при отдачѣ въ подрядъ строительныхъ и ремонтныхъ работъ для войсковыхъ надобностей, опредѣлять **размѣръ залоговъ** и менѣе одной третьей части договорной суммы, что до сихъ поръ, по смыслу статьи 39 Положенія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г.) составляло право лишь высшихъ начальствъ, т.-е. подлежащихъ министерствъ, въ данномъ случаѣ Военнаго.

Вторымъ же закономъ, Высочайше утвержденнымъ 6-го февраля 1889 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (С. У. 258), установлена новая редакція статьи 124 Положенія о нотаріальной части. Вносимое этимъ измѣненіе дѣйствовавшаго закона состоитъ въ томъ: 1) что право на полученіе **справокъ и копій изъ нотарільныхъ книгъ**, принадлежавшее доселѣ изъ должностныхъ лицъ только лицамъ судебнаго вѣдомства, распространено также и на представителей администраціи; и 2) что на нотаріусовъ возложена новая обязанность—сообщать ежемѣсячно государственному банку, его конторамъ и отдѣленіямъ свѣдѣнія о томъ,

сколько и какихъ **записано** у нихъ и **протестовано векселей** и на какую сумму.

Картина движенія гражданскаго законодательства за 1889 годъ будетъ неполна, если не упомянуть объ одномъ обнародованномъ въ этомъ же году разъясненіи правительствующаго сената, С. У. 298) относящемся къ вопросу объ **усыновленіи евреями ихъ единовѣрцевъ**. По разъясненію сената, евреи внѣ черты своей постоянной осѣдлости могутъ усыновлять, на основаніи общихъ законовъ гражданскихъ, только тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые сами имѣютъ право проживать повсемѣстно въ имперіи. Это разъясненіе, какъ видно изъ указа сената, вызвано стремленіемъ евреевъ обойти законъ о воспрещеніи имъ повсемѣстнаго жительства посредствомъ искусственнаго (путемъ усыновленія) увеличенія семействъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ право проживать внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости.

III.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Въ области государственнаго права истекшій годъ ознаменовался весьма важнымъ измѣненіемъ статьи 60 **Учрежденія Императорской Фамиліи.** Въ Сводѣ Законовъ, изд. 1857 года, этой статьѣ соотвѣтствовала ст. 142 Осн. Зак., постановлявшая, что „**бракъ** мужеского лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наслѣдованіе Престола, съ особою другой вѣры совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею Православнаго исповѣданія". Редакція этой статьи представлялась невполнѣ ясною. Законъ какъ бы ограничиваетъ это правило, относя его только къ членамъ Императорской фамиліи, могущимъ имѣть право на престолъ, а между тѣмъ по нашему законодательству всѣ мужскія лица Императорскаго дома могутъ имѣть право

на престолъ. Исключенія составляютъ развѣ только лица, уже отрекшіяся отъ права на престолонаслѣдіе, такъ какъ такое отреченіе признается „невозвратнымъ“ (ст. 16). Поэтому всего естественнѣе было бы понимать ст. 142 такъ, что лицо, вступившее въ супружество съ иновѣрной принцессой, тѣмъ самымъ почитается отрекшимся отъ правъ престолонаслѣдія и потому уже не могущимъ болѣе имѣть правъ на престолъ. Но въ виду допускавшихся на практикѣ бракосочетаній съ иностранными принцессами, не принявшими православія, нѣкоторые излагатели нашего государственнаго права [1]) склонялись къ такому толкованію, что подъ „лицами, могущими имѣть право на наслѣдіе престола“, слѣдуетъ разумѣть только тѣхъ, кто имѣетъ это право непосредственно.

Въ новомъ изданіи Учрежденія Императорской Фамиліи 1886 года это постановленіе и въ самомъ дѣлѣ было измѣнено въ такомъ смыслѣ: воспріятіе православія требовалось въ немъ только отъ невѣстъ „наслѣдника престола и старшаго въ его поколѣніи мужескаго лица“. Такая редакція сохранилась однако не долго. Именнымъ указомъ 6 іюня 1889 года (С. У. 458) возстановлено дѣйствіе ст. 142 осн. зак. изд. 1857 года. Хотя статья эта возстановлена совершенно въ томъ же видѣ, какъ она значилась и въ Сводѣ Законовъ изд. 1857 года, но теперь толкованіе ея не можетъ уже болѣе возбуждать никакихъ сомнѣній. Такъ какъ возстановленіе ст. 142 Осн. зак. изд. 1857 г. сдѣлано именно *въ отмѣну* ст. 60 Учрежд. Импер. Фам., изд. 1886 г., ограничивавшей требованіе перехода въ православіе только невѣстами лицъ, имѣющихъ непосредственное право на наслѣдованіе престола, то дѣйствующую теперь редакцію этого правила нельзя никоимъ образомъ относить только къ этимъ лицамъ. Теперь должно быть признано стоящимъ внѣ всякихъ сомнѣній, что супружество съ иновѣрной принцессой само собою дѣлаетъ вступившаго въ

---

[1]) *Градовскій*, Начала русскаго государственнаго права I, стр. 185.

бракъ лицомъ, не могущимъ имѣть права на наслѣдованіе престола.

Затѣмъ, въ высшей степени важную реформу имѣетъ внести въ русскую жизнь законъ 12 іюля (С. У. 691) о преобразованіи мѣстныхъ **крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи:** о **земскихъ начальникахъ,** о переустройствѣ прежней мировой юстиціи, о перемѣнахъ въ составѣ и компетенціи волостныхъ судовъ и, наконецъ, о новыхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ: **уѣздныхъ съѣздахъ** и **губернскихъ присутствіяхъ,** имѣющихъ замѣнить собою прежніе съѣзды мировыхъ судей и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Въ ближайшемъ будущемъ этой реформѣ посвящена будетъ особая статья.

Въ развитіи нашего административнаго законодательства обращаютъ на себя вниманіе измѣненія въ организаціи полицейскихъ учрежденій. Закономъ 8 іюня 1889 г. (С. У. 781) упразднены **общія присутствія** городскихъ и уѣздныхъ **полицейскихъ управленій.** Эта реформа не вноситъ, собственно, ничего новаго въ наше административное право. Ею устраняется только форма, давно устарѣвшая, давно изжившая свое содержаніе. Съ замѣной въ 1862 году выборныхъ капитанъ-исправниковъ, назначаемымъ уѣзднымъ исправникомъ, этого упраздненія общихъ присутствій полицейскаго управленія, состоявшихъ изъ сословныхъ засѣдателей, слѣдовало ожидать какъ естественнаго послѣдствія, тѣмъ болѣе, что на практикѣ эти засѣдатели не имѣли ровно никакого значенія. Когда, въ 1888 году, закономъ 9 іюня на прибалтійскія губерніи было распространено русское полицейское устройство, при уѣздныхъ начальникахъ, замѣнившихъ тамъ нашихъ исправниковъ, общихъ присутствій образовано не было, а обязанности общихъ присутствій, вообще немногосложныя, возложены были частью на уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, частью на губернскія правленія. Теперь то же самое распространено и на всѣ губерніи, управляемыя по Общему Губернскому Учрежденію. Веденіе **метрическихъ книгъ раскольниковъ**

возложено на помощниковъ исправника и полиціймейстера. Преданіе суду полицейскихъ служителей за преступленія по должности предоставлено губернскому правленію. Дѣла судебныя переданы мировымъ установленіямъ. Всѣ остальные предметы вѣдѣнія упраздненныхъ общихъ присутствій перешли теперь въ вѣдѣніе единоличной власти начальниковъ полицейскихъ управленій.

Кромѣ этой общей мѣры въ истекшемъ году издано новое учрежденіе **с.-петербургской городской полиціи.** (Законъ 8 іюня 1889 г. С. У. 749). Наибольшаго вниманія въ этомъ учрежденіи заслуживаютъ постановленія, опредѣляющія условія полицейской службы въ Петербургѣ. Новый законъ установляетъ, прежде всего, довольно высокій образовательный цензъ для поступающихъ въ полицейскую службу. Классныя должности замѣщаются только лицами, получившими образованіе, дающее право на льготу перваго разряда по воинской повинности или окончившими курсъ въ военныхъ или юнкерскихъ училищахъ. Лица эти первоначально прикомандировываются къ полицейскому резерву и назначаются на должности не иначе, какъ по выдержаніи ими особаго практическаго испытанія. Чиновникъ полицейскаго резерва, не получившій высшаго назначенія въ теченіе трехъ лѣтъ, отчисляется изъ полиціи. На должности письмоводителей, паспортистовъ и смотрителей полицейскихъ домовъ допускаются околоточные надзиратели или лица, пользующіяся по образованію льготой второго разряда. Заслуживаетъ также вниманія, что Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено опредѣлять тѣ виды частныхъ занятій, которые несовмѣстимы со службою въ петербургской полиціи. Это постановленіе, вмѣстѣ съ указаннымъ образовательнымъ цензомъ, должно обезпечить петербургской полиціи вполнѣ избранный составъ.

Законъ 4 мая 1889 г. (С. У. 536) вноситъ весьма существенное измѣненіе существовавшаго до сего времени порядка наложенія **взысканій за нарушеніе акцизныхъ уставовъ.** По установленному питейнымъ уставомъ изд. 1887

года порядку, въ случаѣ невнесенія въ опредѣленный срокъ наложеннаго административнымъ порядкомъ штрафа, дѣло обязательно передавалось судебной власти, хотя бы со стороны оштрафованнаго и не поступало вовсе заявленія о недовольствѣ рѣшеніемъ управляющаго акцизными сборами. Правило это явилось, конечно, выраженіемъ стремленія провести въ этомъ дѣлѣ принципъ лишь факультативнаго подчиненія карательной власти администраціи. Принципъ этотъ самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго сочувствія, но форма, въ которой онъ былъ проведенъ въ нашихъ акцизныхъ уставахъ, представлялась не вполнѣ удачной. Уклоненіе отъ добровольнаго и своевременнаго внесенія наложеннаго штрафа отнюдь не можетъ еще считаться признакомъ нежеланія подчиниться карательной власти администраціи. Причиной уклоненія гораздо чаще служитъ или неимѣніе свободныхъ денегъ, или просто желаніе по возможности оттянуть время уплаты штрафа. Поэтому, на практикѣ приходилось передавать судебной власти много такихъ дѣлъ, по которымъ оштрафованный не могъ сдѣлать никакихъ возраженій противъ справедливости наложеннаго на него штрафа. Болѣе правильнымъ представлялся поэтому порядокъ, установляемый дѣйствующимъ уставомъ о гербовомъ сборѣ: передача дѣла судебной власти имѣетъ мѣсто лишь въ случаѣ прямого о томъ заявленія заинтересованнаго лица. Новымъ закономъ такой же порядокъ примѣняется и къ нарушеніямъ акцизныхъ уставовъ, съ небольшимъ только видоизмѣненіемъ. Судебной власти дѣло передается, если оштрафованный не выразитъ согласія подчиниться постановленію управляющаго акцизными сборами въ двухнедѣльный срокъ, со дня объявленія ему означеннаго постановленія. Если же согласіе будетъ выражено, а штрафъ въ назначенный срокъ внесенъ не будетъ, то отъ управляющаго акцизными сборами зависитъ или взыскать неуплаченную сумму въ **административномъ порядкѣ,** или обратить дѣло къ судебному разсмотрѣнію. Дѣло, разъ направленное въ административномъ порядкѣ, уже не можетъ быть обращаемо въ судъ, хотя бы винов-

ный оказался несостоятельнымъ къ уплатѣ взысканія. Слѣдовательно, при выборѣ того или другого порядка направленія дѣла, акцизное управленіе должно главнымъ образомъ руководствоваться тѣмъ,—имѣетъ ли виновный достаточное имущество для уплаты наложеннаго штрафа. Въ случаяхъ взысканія наложеннаго штрафа въ административномъ порядкѣ, управляющему акцизными сборами предоставляется разсрочить взысканіе.

Истекшій годъ ознаменовался также появленіемъ нѣсколькихъ крупныхъ кодификаціонныхъ работъ. Въ теченіе его издано два тома третьяго **Полнаго Собранія Законовъ**, V и VI, второе очередное **Продолженіе** къ Своду Законовъ 1889 г., содержащее въ себѣ узаконенія по 31 декабря 1888 г. включительно, и новое изданіе **Устава о народномъ продовольствіи.**

Этотъ уставъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ предполагалось подвергнуть коренному пересмотру, вслѣдствіе чего, одновременно съ изданіемъ въ 1864 году положенія о земскихъ учрежденіяхъ, были составлены для послѣднихъ лишь временныя правила о народномъ продовольствіи. Въ ожиданіи такого пересмотра означеннаго устава откладывалось новое его изданіе кодификаціоннымъ порядкомъ. Съ теченіемъ времени мысль о начертаніи новаго положенія объ обезпеченіи народнаго продовольствія была оставлена, и дополнительныя къ Своду Законовъ 1857 г. постановленія по продовольственной части издаваемы были въ видѣ отдѣльныхъ узаконеній, изъ которыхъ позднѣйшія имѣли цѣлію согласованіе правилъ устава 1857 г. съ положеніями крестьянскими, земскимъ и городовымъ.

По уставу 1857 г., мѣры обезпеченія народнаго продовольствія заключались въ устройствѣ и поддержаніи хлѣбозапасныхъ магазиновъ и въ составленіи продовольственныхъ капиталовъ посредствомъ подушнаго сбора съ крестьянскаго и мѣщанскаго населенія, за исключеніемъ удѣльныхъ крестьянъ, у которыхъ, въ замѣнъ особаго денежнаго продовольственнаго сбора, практиковались общественныя запашки и общіе сборы

на составленіе „хозяйственнаго“ капитала, употреблявшагося и на воспособленія удѣльнымъ крестьянамъ въ неурожайные года. Для городовъ, кромѣ правилъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ и денежномъ продовольственномъ сборѣ, существовали еще особыя правила о свободномъ провозѣ жизненныхъ припасовъ и порядкѣ продажи оныхъ. Завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ находилось въ рукахъ различныхъ, правительственныхъ и сословныхъ, установленій: такъ, продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ ввѣрено было самимъ помѣщикамъ, особо выбиравшимся дворянскими обществами попечителями хлѣбозапасныхъ магазиновъ (должность которыхъ была упразднена въ 1862 г.), уѣзднымъ предводителямъ дворянства, губернскимъ коммисіямъ народнаго продовольствія и министерству внутреннихъ дѣлъ; завѣдываніе продовольствіемъ государственныхъ крестьянъ возложено было на окружныхъ начальниковъ, палаты государственныхъ имуществъ и министерство государственныхъ имуществъ; удѣльныхъ поселянъ — на удѣльныя конторы и министерство удѣловъ; казаковъ — на мѣстныя казачьи управленія и военное министерство. Съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и образованіемъ общественнаго управленія у крестьянъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ на одинаковыхъ основаніяхъ, устройство и поддержаніе хлѣбозапасныхъ магазиновъ, равно какъ расходованіе самыхъ запасовъ посредствомъ выдачи заимообразныхъ ссудъ—предоставлено было всецѣло сельскимъ и волостнымъ сходамъ; съ образованіемъ же земскихъ учрежденій, къ нимъ перешли обязанности по продовольственной части завѣдывавшихъ этою частью, поименованныхъ выше, правительственныхъ и сословныхъ установленій. Неразсчетливое расходованіе продовольственныхъ запасовъ сельскими и волостными обществами привело правительство къ необходимости ограничить полную ихъ самостоятельность въ этомъ дѣлѣ, и уже въ 1867 году ссуды изъ продовольственныхъ запасовъ поставлены были въ зависимость отъ разрѣшенія уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ

управъ, а въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія—отъ продовольственныхъ комиссій и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Что касается денежныхъ способовъ обезпеченія народнаго продовольствія, то изданныя послѣ 1857 г. узаконенія совершенно измѣнили порядокъ, установленный въ этомъ отношеніи Сводомъ Законовъ. Денежный подушный сборъ прекращенъ съ 1866 г. повсемѣстно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ, разрядовъ крестьянъ, (напр. горнозаводскихъ), которые не уплатили упомянутаго сбора въ опредѣленнномъ размѣрѣ; собранныя въ теченіе многихъ лѣтъ денежныя продовольственныя средства послужили къ образованію продовольственныхъ капиталовъ: *мірскихъ* и *сословныхъ*, предоставленныхъ въ собственность сельскихъ обществъ и сословій, съ правомъ расходовать ихъ однако не иначе, какъ съ разрѣшенія земскихъ управъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — продовольственныхъ коммисій и министерства внутреннихъ дѣлъ; *губернскихъ*, переданныхъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, съ обязанностью употреблять ихъ исключительно на продовольственныя нужды населенія, и *общаго* по Имперіи, оставленнаго въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ спеціальнаго средства для оказанія пособій въ чрезвычайныхъ случаяхъ при истощеніи мѣстныхъ запасовъ и денежныхъ средствъ.

Реформы прошлаго царствованія во многомъ измѣнили продовольственный уставъ 1857 года, но главное, коренное измѣненіе внесло положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, которое отнесло народное продовольствіе къ числу земскихъ повинностей, ввѣренныхъ попеченію и заботливости означенныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи существуетъ рѣзкое различіе между губерніями земскими и не земскими: въ первыхъ, — какъ сказано выше, — народное продовольствіе составляетъ земскую повинность; въ послѣднихъ же оно понынѣ остается повинностью сословною. Это различіе во взглядѣ на народное продовольствіе послужило основаніемъ къ размѣщенію въ новомъ изданіи устава всего отно-

сящагося къ этому предмету законодательнаго матеріала въ введеніи и двухъ раздѣлахъ: о обезпеченіи народнаго продовольствія въ губерніяхъ вообще и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ особенности. Во введеніи, въ первыхъ 6-ти статьяхъ, изложены общія положенія, а въ статьѣ 7 объяснена система, принятая въ новомъ изданіи устава при распредѣленіи относящагося къ нему законодательнаго матеріала. Въ первый раздѣлъ вошли узаконенія, имѣющія примѣненіе въ полномъ ихъ объемѣ въ губерніяхъ земскихъ; эти узаконенія размѣщены въ семи главахъ: общія правила о продовольственныхъ запасахъ; о сельскихъ хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ; о продовольственныхъ капиталахъ; о ссудахъ на посѣвъ и продовольствіе; о составленіи свѣдѣній объ урожаяхъ; объ установленіи цѣнъ на предметы продовольствія; о свободномъ провозѣ жизненныхъ припасовъ и о порядкѣ продажи оныхъ. Во второй раздѣлъ введены законоположенія, касающіяся губерній не земскихъ — Астраханской, Оренбургской, девяти западныхъ, Ставропольской и Закавказскихъ, а также тѣхъ мѣстностей, для которыхъ изданы въ разное время особыя, сохраняющія и понынѣ свое значеніе, постановленія по продовольственной части, а именно: губерній Прибалтійскихъ и Архангельской, земель казачьихъ войскъ и Сибири. Третій раздѣлъ устава 1857 г. о народномъ продовольствіи въ городахъ помѣщенъ въ новомъ изданіи, въ первомъ раздѣлѣ, въ видѣ отдѣльной VII главы, такъ какъ, съ прекращеніемъ подушнаго сбора съ мѣщанъ на продовольствіе и съ упраздненіемъ городскихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, сохранили свое дѣйствіе въ настоящее время лишь весьма немногочисленныя постановленія упомянутаго раздѣла: о свободномъ провозѣ припасовъ и прогонѣ скота, объ учрежденіи торжковъ и рынковъ и объ установленіи таксъ на предметы продовольствія.

Главная задача кодификаціи заключалась въ согласованіи устава 1857 г. съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и временными для нихъ правилами о народномъ продовольствіи. Въ этомъ отношеніи новое изданіе устава о народ-

номъ продовольствіи составляетъ первый опытъ полной кодификаціи Свода Законовъ съ земскимъ положеніемъ, потребовавшей тщательной и всесторонней переработки всего, вошедшаго въ уставъ 1857 г., законодательнаго матеріала съ цѣлію уясненія: какія именно правила этого устава сохранили свое значеніе и понынѣ за воспослѣдованіемъ земской реформы. Такая работа, какъ небезъизвѣстно, вызываетъ весьма часто затрудненія, которыя обусловливаются неясностями и недомолвками, встрѣчающимися какъ въ самомъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, такъ, въ особенности, во временныхъ правилахъ 1864 года. Не взирая на эти затрудненія, новое кодификаціонное изданіе устава о народномъ продовольствіи обработано весьма тщательно и отчетливо; оно, безъ сомнѣнія, дастъ полную возможность установленіямъ, вѣдающимъ дѣло народнаго продовольствія, а въ особенности земскимъ учрежденіямъ уяснить себѣ права, предѣлы власти и обязанности свои въ этомъ дѣлѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ устранитъ недоумѣнія, встрѣчавшіяся нерѣдко на практикѣ при примѣненіи продовольственнаго устава 1857 г. и продолженій къ нему,—недоумѣній, которыя весьма часто главнымъ образомъ служили поводомъ къ пресловутымъ пререканіямъ между правительственными властями и земскими учрежденіями.

IV.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ.

Въ сферѣ экономическаго законодательства остановимся, прежде всего, на мѣрахъ по землевладѣнію, а именно, на законѣ 13 іюля **о добровольномъ переселеніи** сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли и о порядкѣ перечисленія лицъ означенныхъ сословій, переселившихся въ прежнее время (С. У. 891). Согласно съ этимъ закономъ,

желающіе переселиться обращаются съ просьбою о разрѣшеніи къ мѣстному губернатору, который представляетъ ее въ министерство внутр. дѣлъ вмѣстѣ со свѣдѣніями о хозяйственномъ положеніи просителей и заключеніемъ мѣстнаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Рѣшеніе относительно ходатайства постановляется министромъ вн. д. по соглашенію съ министромъ гос. имуществъ. Лица, получившія разрѣшеніе переселиться, не обязаны испрашивать увольнительныхъ приговоровъ отъ своихъ обществъ. Для водворенія переселенцевъ министерство гос. им. будетъ образовывать участки изъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи, а также въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ областяхъ Акмолинской, Семирѣченской и Семипалатинской. Для приведенія въ дѣйствіе новаго закона, учреждено при земскомъ отдѣлѣ министерства вн. дѣлъ 6 должностей чиновниковъ, которые будутъ наблюдать за движеніемъ переселенцевъ, оказывать имъ содѣйствіе во время слѣдованія къ мѣстамъ новаго водворенія и регистрировать переселенія.

Важное общественное значеніе имѣетъ Высочайше утвержденное, 16 іюня 1889 года, положеніе Комитета Министровъ объ отдачѣ **въ аренду казенныхъ земель** въ западной Сибири безъ производства торговъ, (С. У. 849), которыя вводятъ въ часть Азіатской Россіи порядокъ, примѣняемый съ 11 октября 1884 года въ Россіи Европейской. Этотъ законъ разрѣшаетъ отдачу въ аренду казенныхъ земель, которыя отмежеваны отъ надѣловъ крестьянъ-старожиловъ Сибири, безъ торговъ, отдѣльнымъ крестьянамъ, товариществамъ или сельскимъ обществамъ, на сроки до 12 лѣтъ, безъ права переуступки съемщиками снятой ими земли другимъ лицамъ. Размѣръ арендной платы за эти участки опредѣляется по соотвѣтствію съ родомъ и качествомъ угодій и мѣстными наемными цѣнами казенныхъ и частно-владѣльческихъ земель. Обезпеченіемъ исправной уплаты арендныхъ денегъ за участки, отдаваемые въ наемъ обществамъ и товариществамъ, могутъ служить, взамѣнъ установленныхъ

денежныхъ залоговъ, мірскіе приговоры и взаимныя ручательства съемщиковъ.

Къ законодательнымъ мѣропріятіямъ этой группы принадлежитъ и законъ 4 мая объ **отдачѣ** крестьянамъ Вологодской губерніи участковъ **казеннаго лѣса для подсѣчнаго пользованія** (С. У. 529). Согласно съ распоряженіемъ министра госуд. имуществъ отъ 6 іюня 1889 года (С. У. 103), допускается разчистка изъ подъ лѣса участковъ, на которыхъ растетъ лѣсъ незначительной цѣнности и не имѣющій сбыта. Лица, желающія разработывать подсѣки, сами выбираютъ участки на площади, отведенной для этого лѣснымъ управленіемъ. Билеты для разработки подсѣкъ выдаются на 3 года, причемъ срокъ этотъ можетъ быть продолженъ до 8 лѣтъ. Затѣмъ, установляются правила для предупрежденія пожаровъ, а также взысканія съ съемщиковъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ и поврежденіе казеннаго лѣса.

Упомянемъ также о законѣ 23 мая, относительно условій, при которыхъ евреямъ дозволяется пріобрѣтать **недвижимую собственность** въ Туркестанскомъ краѣ (С. У. 666). Согласно съ этимъ закономъ, евреи, уроженцы государствъ, сопредѣльныхъ съ Туркестанскимъ краемъ, подчинены, относительно пріобрѣтенія въ этимъ краѣ земли и другой недвижимости, дѣйствію общихъ постановленій о пріобрѣтеніи въ Имперіи недвижимости евреями иностранными подданными.

Въ лѣсное законодательство 1889 годъ не внесъ существенныхъ измѣненій. Только закономъ 26 декабря 1888 года (С. У. 185) повелѣно дѣйствіе положенія о **сбереженіи лѣсовъ**, за исключеніемъ правилъ, которыя касаются лѣсовъ защитныхъ, не распространять на лѣса, находящіяся въ завѣдываніи казенныхъ управленій и удѣльнаго вѣдомства. Тѣмъ же закономъ постановлено, что если признаніе лѣса защитнымъ состоится въ началѣ года до 1 марта, то планъ хозяйства на тотъ лѣсъ долженъ быть

утвержденъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ въ теченіе того же года.

Въ области желѣзно-дорожнаго законодательства 1889 годъ занимаетъ выдающееся мѣсто: 8 марта состоялось Высочайше утвержденное временное положеніе **о желѣзнодорожныхъ тарифахъ** и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ (С. У. 209). Подчиняя себѣ тарифы на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, открытыхъ для общественнаго пользованія, законъ ставитъ цѣлью руководительство дѣйствіями желѣзныхъ дорогъ для огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны. Правительственное руководство выражается въ установленіи тарифныхъ нормъ, въ установленіи правилъ относительно примѣненія и отмѣны тарифовъ, въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы тарифы соотвѣтствовали выше указаннымъ интересамъ, въ разрѣшеніи вопросовъ по распредѣленію между желѣзными дорогами провозныхъ платъ, по устраненію соперничества между дорогами и т. д. Завѣдываніе тарифными дѣлами сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ, которое имѣетъ для этого 3 спеціальныхъ органа — совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, тарифный комитетъ и департаментъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ. Предположенія объ измѣненіяхъ или дополненіяхъ дѣйствующихъ тарифовъ составляются желѣзными дорогами или съѣздами ихъ представителей по тарифнымъ дѣламъ. Въ съѣздахъ участвуютъ съ совѣщательнымъ голосомъ представители отъ министерства финансовъ, а также могутъ быть командируемы представители заинтересованныхъ общественныхъ учрежденій и обществъ. Но предположенія объ измѣненіи тарифовъ могутъ исходить также отъ правительственныхъ вѣдомствъ, общественныхъ учрежденій и обществъ, уставы которыхъ утверждены правительствомъ, если эти общества имѣютъ цѣлью попеченіе о хозяйственныхъ интересахъ населенія. Но всѣ эти предположенія не имѣютъ силы до разсмотрѣнія ихъ въ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ. Рѣшенія же этихъ учрежденій дѣлаются для желѣзныхъ дорогъ обязательными. Съ тѣмъ

вмѣстѣ желѣзнымъ дорогамъ и съѣздамъ ихъ представителей вмѣняется въ обязанность представлять, по требованію министерства финансовъ, всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи статистическія свѣдѣнія и иныя данныя, необходимыя для разработки тарифныхъ вопросовъ, а также предъявлять уполномоченнымъ отъ министерства финансовъ лицамъ книги и документы, необходимые для провѣрки правильности дѣйствій желѣзныхъ дорогъ по установленію и примѣненію тарифовъ. Высшимъ административнымъ учрежденіемъ служитъ совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, состоящій подъ председательствомъ министра финансовъ, изъ его товарища, директоровъ департаментовъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ и торговли и мануфактуръ, членовъ отъ министерства путей сообщенія, финансовъ, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и государственнаго контроля, представителей земледѣльческой промышленности, горнозаводской, торговли и частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Вѣдѣнію совѣта подлежатъ всѣ общіе тарифные вопросы: установленіе правилъ относительно составленія, публикаціи, отмѣны тарифовъ, установленіе правилъ относительно тарифной статистики, указаніе общихъ способовъ для устраненія соперничества желѣзныхъ дорогъ между собою и желѣзныхъ дорогъ съ другими перевозочными предпріятіями. Вѣдѣнію совѣта подлежатъ также и частные тарифные вопросы, по которымъ не состоялось рѣшенія въ тарифномъ комитетѣ. Наконецъ, вѣдѣнію совѣта подлежатъ возраженія желѣзныхъ дорогъ и ихъ съѣздовъ на распоряженія по тарифному дѣлу дапартамента желѣзно - дорожныхъ дѣлъ, если эти возраженія находятся въ связи съ потребностями населенія и нуждами промышленности и торговли. Тарифный комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ, изъ членовъ отъ министерства финансовъ, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ и государственнаго контроля. Сверхъ того, въ засѣданія тарифнаго комитета приглашаются, по мѣрѣ надобности, представители желѣзныхъ

дорогъ и ихъ съѣздовъ. Вѣдѣнію тарифнаго комитета подлежатъ всѣ частные тарифные вопросы, связанные съ потребностями населенія и нуждами промышленности и торговли. Департаментъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ вѣдаетъ всѣ вообще дѣла по желѣзно-дорожной части, подлежащія вѣдѣнію министерства финансовъ. Спеціально по тарифной части департаментъ вѣдаетъ дѣлопроизводство совѣта по тарифнымъ дѣламъ, а тарифный комитетъ разсматриваетъ представленія желѣзныхъ дорогъ и ихъ съѣздовъ объ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ тарифахъ, собираетъ свѣдѣнія по тарифнымъ вопросамъ, возбуждаетъ и разработываетъ тарифныя предположенія, объявляетъ желѣзнымъ дорогамъ распоряженія относительно новыхъ тарифовъ и наблюдаетъ за исполненіемъ тарифныхъ нормъ. Возраженія желѣзныхъ дорогъ и ихъ съѣздовъ на распоряженія департамента разсматриваются министромъ финансовъ и рѣшаются собственною его властью, насколько затронута финансовая сторона дѣла; если же возраженіе имѣетъ своимъ предметомъ интересы промышленности или торговли, то оно разсматривается въ совѣтѣ по тарифнымъ дѣламъ.

Изложенныя общія положенія получили дальнѣйшее развитіе въ цѣломъ рядѣ распоряженій Министра Финансовъ, а именно: 29 марта утверждены временныя правила относительно составленія, публикаціи, введенія въ дѣйствіе и отмѣны **тарифовъ желѣзныхъ дорогъ**, съ указаніемъ сроковъ, при семъ соблюдаемыхъ (С. У. 276); 14 іюня утверждены временныя правила относительно распредѣленія **желѣзно-дорожныхъ сборовъ** по перевозкамъ грузовъ прямаго сообщенія (С. У. 501); 1 августа утверждены временныя правила для **съѣздовъ представителей желѣзныхъ дорогъ** по тарифнымъ вопросамъ (С. У. 694); 5 августа утверждены временныя правила относительно общихъ способовъ **устраненія соперничества желѣзныхъ дорогъ** между собою по перевозкѣ грузовъ (С. У. 704); наконецъ, 5 сентября утверждены временныя правила относительно составленія, изданія

и представленія **тарифной статистики** перевозки пассажировъ и грузовъ (С. У. 949).

Независимо отъ сего, Высочайше утвержденнымъ 12 августа (С. У. 844) положеніемъ комитета министровъ, **тарифы**, составленные министерствомъ финансовъ и распубликованные Правительствующимъ Сенатомъ, признаны **обязательными** какъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ и для лицъ, пользующихся ихъ услугами.

Отмѣтимъ законодательныя мѣропріятія въ сферѣ кредита. Дѣятельность государственнаго банка расширилась вслѣдствіе инструкціи министерства финансовъ отъ 21 февраля 1889 г., которою банку разрѣшено выдавать **ссуды подъ хлѣбные грузы**, при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ (С. У. 163). Высочайшимъ указомъ отъ 12 октября о приведеніи въ окончательный порядокъ **разсчетовъ дворянскаго банка съ его заемщиками** дарованы крупныя льготы должникамъ дворянскаго банка. Проценты по закладнымъ листамъ понижены съ 5 на $4^1/_2$ годовыхъ; ссуда выдается не закладными листами, продаваемыми по биржевому курсу, а наличными деньгами по 100 рублей за каждые 100 рублей нарицательной ссуды; даны также облегченія по платежу пеней за просрочку платежей: пеня вносится отнынѣ въ размѣрѣ $^1/_2\ ^0/_0$ въ мѣсяцъ въ первые 3, а не 2 мѣсяца. Эти льготы дарованы, какъ будущимъ заемщикамъ банка, такъ и всѣмъ уже состоящимъ его должниками (С. У. 977). Одновременно опубликовано и Высочайше утвержденное 26 іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта о производствѣ **взысканій съ неисправныхъ заемщиковъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка.**

Отмѣтимъ также нѣкоторыя мѣропріятія относительно крестьянскаго поземельнаго банка. Декабря 5-го 1888 года разрѣшено **крестьянскому банку**, въ видѣ изъятія, **выдавать ссуды** для покупки земель, на одинаковомъ основаніи съ крестьянами, **не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію** земледѣльцамъ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерній, а именно мѣщанамъ православнаго испо-

вѣданія и старообрядцамъ (С. У. 20). Дабы облегчить продажу земельныхъ участковъ, продаваемыхъ крестьянскимъ банкомъ, закономъ 24-го апрѣля 1889 года введены правила о **разсрочкѣ продажной цѣны.** Согласно съ этимъ закономъ, при продажѣ по вольной цѣнѣ участковъ, принадлежащихъ неисправнымъ заемщикамъ, часть продажной цѣны разсрочивается на сроки не свыше 2-хъ лѣтъ, а исправность уплаты отсроченной суммы обезпечивается наложеніемъ запрещенія на продаваемый участокъ (С. У. 491). Іюня 26-го изданъ законъ о мѣрахъ къ облегченію **продажи съ торговъ земельныхъ участковъ, заложенныхъ въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ** (С. У. 806). Совѣту банка разрѣшается продавать заложенные земельные участки какъ въ полномъ составѣ, такъ и частями. Первые торги производятся въ волостномъ правленіи одной изъ ближайшихъ къ продаваемому участку волостей или въ помѣщеніи уѣздной земской управы ближайшаго города. Продажная цѣна можетъ быть разсрочена покупщику на 2 года и 9 мѣсяцевъ. Законъ того же 26 іюня установляетъ мѣры къ исправному **взносу платежей слѣдующихъ крестьянскому поземельному банку** (С. У. 807). Къ мѣропріятіямъ въ области кредита принадлежатъ правила **о почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассахъ,** Высочайше утвержденныя 26 іюня (С. У. 677). Этотъ законъ возлагаетъ на учрежденія почтово-телеграфнаго вѣдомства производство операцій сберегательныхъ кассъ государственнаго банка. Вклады должны быть не менѣе 25 к. и отъ одного лица, въ общей сложности, не болѣе 1,000 р. Законъ того же 26 іюня **о банкирскихъ заведеніяхъ** (С. У. 843), уполномочиваетъ министра финансовъ ограничивать дѣятельность банкирскихъ домовъ и конторъ, которые не имѣютъ утвержденныхъ правительствомъ уставовъ, воспрещеніемъ продавать съ разсрочкою платежа билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ, перезакладывать процентныя бумаги, подъ которыя заведеніемъ выданы ссуды, въ суммѣ, высшей противъ размѣра выданныхъ ссудъ, принимать вклады на храненіе и т. д.

Виновные въ производствѣ запрещенныхъ имъ операцій подвергаются денежному взысканію отъ 100 до 3,000 рублей, заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2-хъ до 8-ми мѣсяцевъ, закрытію ихъ банкирскихъ заведеній и лишенію права содержать оныя. Съ тѣмъ вмѣстѣ законъ постановилъ, что, при страхованіи отъ тиража билетовъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ, дѣйствіе договора страхованія не ограничивается никакимъ срокомъ, кромѣ общаго срока земской давности.

Въ области финансоваго законодательства мы имѣемъ: 1) законъ 13 февраля **объ обложеніи документовъ**, выдаваемыхъ заемщиками, въ полученіи **ссуды подъ хлѣбные грузы** (С. У. 139), гербовымъ сборомъ по 5 к. съ листа; 2) правила для взиманія **гербоваго сбора съ процентныхъ бумагъ** (С. У. 450); этими правилами установленъ для акцій, паевъ, облигацій и закладныхъ листовъ гербовый сборъ отъ 15 к. съ каждаго нумера бумаги при нарицательной цѣнѣ ихъ не выше 50 рублей, и до 10 рублей, если цѣна выше 5000 рублей; 3) законъ 6 марта о взиманіи **пошлинъ съ наслѣдствъ**, открывающихся въ Россіи послѣ **иностранныхъ подданныхъ** (см. выше, стр. 69). Въ сферѣ финансоваго управленія укажемъ на два законодательныхъ мѣропріятія: распространеніе на **Ферганскую область поземельно-податнаго устройства**, дѣйствующаго въ Туркестанскомъ краѣ (С. У. 266), и введеніе **податныхъ инспекторовъ въ Туркестанскомъ краѣ** (С. У. 817).

Законодательная дѣятельность имѣла мѣсто и по отношенію къ **государственному кредиту**. Высочайшимъ указомъ 20 февраля повелѣно выпустить 4% желѣзно-дорожныя облигаціи первой серіи на сумму 175 милл. р. золотомъ, для замѣны 5% консолидированныхъ облигацій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ (С. У. 141); 26 апрѣля повелѣно выпустить консолидированныя россійскія 4% желѣзно-дорожныя облигаціи второй серіи на нарицательный капиталъ въ 310,498,000 золотомъ, для замѣны, совокупно съ 4% облигаціями первой серіи, всѣхъ 5% консолидиро-

ванныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій (С. У. 338 и 339); 12 октября повелѣно заключить заемъ съ выигрышами на нарицательный капиталъ въ 80 милліоновъ для расширенія ссудной операціи дворянскаго земельнаго банка (С. У. 977); 13 октября повелѣно внести изъ государственнаго казначейства въ государственный банкъ 13,828,875$^1/_2$ р., для окончательнаго разсчета за временно выпущенные въ войну 1877—1878 гг. кредитные билеты (С. У. 974).

Въ книжныхъ магазинахъ продаются:

Дерюжинскій Н. Отводы и возраженія по русскому гражданскому праву. Спб. 1889. Ц. 60 к.

Исаевъ А. А. Промыслы Московской губерніи, 3 выпуска. Москва. 1876. Ц. 2 р. 50 к.

—— Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Москва. 1879. Ц. 2 р. 50 к.

—— Государственный кредитъ. Ярославль. 1886. Ц. 1 р. 25 к.

—— Очеркъ теоріи и политики налоговъ. Ярославль. 1887. Ц. 1 р. 35 к.

Коркуновъ Н. Лекціи по общей теоріи права. 2 изданіе. Спб. 1890.

Сергѣевскій Н. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Спб. 1888. Ц. 2 р.

—— Русское уголовное право. Пособіе по лекціямъ. Часть первая, общая. 2 изд. Спб. 1890. Ц. 2 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель **Н. Сергѣевскій.**

